

Я.И. Рабинович

**Евреи в годы
великих
испытаний**

Я.И. Рабинович

**Евреи в годы
великих
испытаний**

 ЭТЕРНА

2017

УДК 94(4)
ББК 63.3
P12

Рабинович Я. И.

P12 Евреи в годы великих испытаний. — М.: Этерна, 2017. — 628 с.

ISBN 978-5-480-00361-1

Последние годовщины резко усилили общественный интерес к истории трагических событий 1938–1939 годов и кануна Второй мировой войны, вызвали много новых публикаций, посвященных различным аспектам мирового развития и судьбе евреев в тридцатые годы.

Столкновение полярных порою взглядов и оценок, спектр различных мнений и позиций ставят перед историками задачу проведения широкой дискуссии о сложных и противоречивых явлениях кануна Второй мировой войны. Автор пытается как можно полнее осветить эти события.

УДК 94(4)
ББК 63.3

ISBN 978-5-480-00361-1

© Я.И. Рабинович, 2017
© ООО «Издательство «Этерна»,
оформление, 2017

В ПРЕДДВЕРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Семидесятилетие трагических событий 1938–1939 гг. резко усилило общественный интерес к истории кануна Второй мировой войны, вызвало сотни новых публикаций в СССР и других странах, посвященных различным аспектам мирового развития в тридцатые годы.

В кругах советских историков и журналистов, общественных деятелей и дипломатов развернулись оживленные и острые дискуссии. Мы постепенно преодолеваем бытовавший столь долго синдром запретности в изучении внешнеполитической сферы, в критическом осмыслении многих этапов и проблем истории советской внешней политики.

В подходе к предыстории Второй мировой войны в наших дискуссиях сейчас ясно обозначились две тенденции. Ряд историков предостерегают против критики любых вопросов советской внешней политики как тридцатых, так и последующих лет, отмечая, что такая критика наносит ущерб международному престижу и авторитету страны.

Противоположная тенденция проявилась в попытках рассматривать тогдашнюю внешнеполитическую линию страны лишь в контексте сталинских деформаций социализма, вне анализа международно-политического развития тридцатых годов. Сторонники подобного подхода настаивают на полном пере-

смотре наших прежних оценок и представлений о советской политике того периода. При этом действительный ход событий часто подменяется ими умозрительными схемами, оторванными от политических реалий времени.

По всем этим вопросам мы ощущаем также непрекращающееся давление извне: часть западных историков продолжают всячески оправдывать политику Англии, Франции и США и считать СССР ответственным за возникновение Второй мировой войны.

Столкновение полярных порою взглядов и оценок, спектр различных мнений и позиций ставят перед историками задачу проведения широкой дискуссии о самой методологии подхода к сложным и противоречивым явлениям накануне Второй мировой войны. В этой связи хотелось бы высказать некоторые соображения.

Во-первых, существует проблема текущего исторического опыта. В последнее время в периодической печати и в дискуссиях за «круглыми столами» нередко высказывается мысль, что оценивать прошлое можно, только опираясь на свидетельства непосредственных участников событий тех лет. Однако критическое переосмысление прошлого невозможно без новых подходов, а они предполагают усвоение и применение опыта наших дней, современного видения исторических процессов. Следует иметь в виду и то, что история располагает сегодня такой суммой документов, какой не имел ни один из участников тех далеких событий. Для историка ясны скрытые потенции, которые не мог бы обнаружить и во всей полноте оценить самый проницательный свидетель минувшего. Анализ альтернативных решений, вердикт историка о том, какое решение было бы более благоприятным и приемлемым, предполагает историческую дистанцию.

Во-вторых, важнейшая методологическая предпосылка для изучения предыстории Второй мировой войны состоит в том, что и в тот период неизбежно существовала органическая и разветвленная связь внешней политики каждой страны как с

общим развитием международных отношений, так и с внутривосточной политической ситуацией. Диалектика внутренней и внешней политики заключалась, в частности, в том, что внешнеполитические цели и решения каждой страны лимитировались действиями других участников событий. Нельзя понять драматические события 1939 г. без тщательного изучения международной обстановки на протяжении всех тридцатых годов, без учета позиций различных государств и мировой общественности.

Но сложность исследования предыстории Второй мировой войны обусловлена тем, что одновременно внешняя политика СССР испытывала на себе воздействие сталинских деформаций социализма, отступлений от норм нравственности и морали. Это не могло не сказаться и на оценке ситуации, и на осуществлении многих внешнеполитических мероприятий.

В-третьих, мы должны рассмотреть международно-политическое развитие предвоенного времени с учетом различных альтернатив, существовавших в тридцатые годы в области международных отношений. Речь идет о том, чтобы не только сопоставить и взвесить различные альтернативы, но и выявить объективные условия и субъективные факторы, которые влияли на возможности реализации той или иной альтернативы. Не ставя перед собой задачи вскрыть весь комплекс проблем предыстории войны, мы хотели бы привлечь внимание к некоторым подходам в исследовании событий конца тридцатых годов, обозначить проблемы, по которым особенно нужны изыскания и новые дискуссии.

Советская историография сделала немало для раскрытия социальных корней фашизма, его сущности и типологии, для освещения этапов восхождения Гитлера и его сподвижников к власти, осуществления агрессивной программы фашизма, для анализа всей сложной картины международных отношений тридцатых годов.

В то же время в современных условиях следовало бы глубже показать ту опасность, которую представлял собой фашизм для общечеловеческих ценностей, достижений мировой цивилиза-

ции и культуры. При такой постановке вопроса яснее станет экстремальность ситуации, возникшей в конце первой трети нашего столетия. Теперь, оглядываясь на итоги завершившегося века, мы можем констатировать, что фашизм бросил вызов прогрессу всего человечества, его социальным и политическим завоеваниям, самому существованию многих стран и народов.

В своем стремлении к мировому господству он апеллировал к низменным инстинктам, брал на вооружение наиболее реакционные и антигуманные теории и представления, использовал исторический опыт массовых репрессий, порабощения и угнетения целых рас и народов. Именно этот аспект и придавал сложившейся обстановке экстремальный характер. Фашизм противостоял не только социализму, он ставил своей программной задачей не только порабощение славянских и ряда других народов. Это была угроза и западным демократиям, стремление подчинить себе народы колониальных и зависимых стран, перекроить в своих интересах карту мира.

Главная опасность для человечества заключалась в том, что фашизм хладнокровно и целенаправленно планировал физическое уничтожение десятков миллионов людей, «теоретически» обосновывая геноцид, расовую и национальную исключительность. Он развращал умы и сознание, используя социальную демагогию, возводя на пьедестал самые низменные чувства и представления.

В реальной жизни этот вызов фашизма общечеловеческим ценностям маскировался конкретными, внешне привычными политическими и дипломатическими лозунгами и категориями. Искусная социальная демагогия вводила в заблуждение, камуфлируя (особенно на первых порах) истинные цели этой антигуманной идеологии. Выражая интересы наиболее реакционных и милитаристских слоев, фашизм использовал и недовольство средних слоев, части рабочего класса в Германии, испытывавших на себе последствия тяжелого экономического кризиса и социальных потрясений, обвинив во всех бедах евреев.

Фашизм умело приспособлял к своим нуждам новую ситуацию в политическом и социальном развитии, изменения в мышлении миллионов людей в итоге Первой мировой войны. Так устанавливалась генетическая связь двух мировых военных катастроф XX столетия, когда поражение Германии, то национальное унижение, которому подвергли немцев страны Антанты, создало питательную среду для реваншистских идей, для обращения к гипертрофированным национальным чувствам немецкого народа, взятым на вооружение теоретиками и практиками нацизма.

Акцент на эту сторону мирового развития в тридцатые годы позволяет посмотреть на предысторию войны с некоего макроуровня, в контексте защиты человечества от возникшей перед ним тотальной опасности. Такой подход дает возможность более полно представить себе смысл и сущность общечеловеческих ценностей и раскрыть идеологию и практику фашизма как одну из самых зловещих и страшных угроз, нависших над человечеством в XX в. Другая важная проблема состоит в выяснении того, в какой мере в самых различных слоях существовало ощущение грядущей беды. Известная резолюция VII конгресса Коминтерна отражала понимание руководителями коммунистического движения того, что фашизм представлял собой главную угрозу всему миру. В СССР после прихода гитлеровцев к власти в Германии, естественно, господствовали настроения осуждения нацистской политики и идеологии; в таком же духе действовала и пропаганда. Конгрессы деятелей культуры и науки, многочисленные встречи европейской общественности, конференции пацифистов, тревога многих западноевропейских либералов свидетельствовали о том, что многие представители европейской общественности тоже сознавали приближающуюся опасность.

Но одновременно в Европе были распространены шовинистические настроения в поддержку фашистских идей и лозунгов. Правоконсервативным кругам импонировал антикоммунизм и антисоветизм фашистской программы. Европейская реакция рассчитывала, что фашизм железной рукой остановит рост революционного движения и обуздает европейских радикалов.

Отметим еще одно немаловажное обстоятельство. Обращаясь к предыстории Второй мировой войны, мы порой так увлекаемся критикой англо-французской политики «умиротворения», что чуть ли не забываем главных виновников войны. На одной из встреч историков польский ученый справедливо заметил, что у нас иногда получается, что за возникновение войны несут бóльшую ответственность Чемберлен и Даладье, нежели Гитлер и его окружение.

БЫЛА ЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ ЗАЩИТЫ ОТ ФАШИСТСКОГО НАШЕСТВИЯ?

Вызов, брошенный человечеству фашизмом, составлял реальную основу для широкого объединения самых различных сил, готовых противостоять надвигающейся катастрофе. Для Советского Союза фашизм означал опасность порабощения и гибели миллионов людей; народы Европы все полнее осознавали возможные последствия фашистской угрозы. Интеллигенция различных стран, писатели, ученые, художники предостерегали, призывали преодолеть безразличие и конформизм и объединить усилия в борьбе с коричневой чумой.

Серьезное беспокойство охватило и правящие круги многих стран Европы и США. Немало политических деятелей Англии, Франции и других государств видели в усилении Германии угрозу для своих позиций в Европе и в других частях земного шара. Экономические и политические противоречия между капиталистическими странами создавали почву для острого соперничества между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией — с другой.

Важным этапом на пути обеспечения безопасности Европы и возможности объединения антифашистских сил явились 1933–1936 гг. Тогда стали прочерчиваться контуры системы коллективной безопасности, консолидации борцов с фашизмом во всем мире. Выработанный Советским Союзом комплекс мер

и предложений предусматривал совместные действия ряда больших и малых европейских государств, подписание соглашений о гарантиях восточных границ соседей Германии («восточное Локарно») и т. п.

В те годы выявилась близость подходов советской дипломатии и позиции ряда влиятельных деятелей Франции (Л. Барту, П. Бонкура, Э. Эррио). К попыткам создать систему коллективной безопасности подключились король Югославии и министр иностранных дел Румынии, многие деятели других западных стран. Они по-прежнему «не принимали» идеологию и практику социализма, но были готовы к объединению усилий в борьбе с фашизмом. Происходили многочисленные встречи М. Литвинова — горячего поборника сотрудничества с буржуазно-демократическими государствами Запада — с политическими деятелями и дипломатами больших и малых стран. И определенные результаты были достигнуты: подписаны советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи, Советский Союз вступил в Лигу Наций, велись переговоры о разоружении, СССР был признан Соединенными Штатами Америки.

Но все же решающего сдвига не произошло. Руководящие деятели Англии с самого начала блокировали выработку совместной системы безопасности, а после убийства Барту изменилась и ориентация французской дипломатии. Германия явно форсировала осуществление своей программы мирового господства, а возможности образования антифашистского фронта становились все более иллюзорными. Его основу, как во время Первой мировой войны, составил бы союз России, Франции и Англии, что вполне естественно, так как за этот период национальные интересы стран остались прежними, изменились только государственный строй и идеология в Германии и России, из-за чего западные демократии неохотно шли на сотрудничество с Советским Союзом.

В 1934 г. был заключен германо-польский пакт, который нанес серьезный урон идее коллективной безопасности в Ев-

ропе, помог Гитлеру расстроить ряды ее сторонников. Германия приобрела в лице правительства Польши союзника, которого использовала в своих агрессивных целях.

У. Черчилль так оценивал этот союз: «Германо-польский пакт позволил нацистам сосредоточить внимание сначала на Австрии, а затем на Чехословакии, что имело губительные последствия для этих несчастных стран. Он временно ослабил связи между Францией и Польшей и помешал развитию солидарности между государствами Восточной Европы». Когда в 1938 г. Германия стала угрожать Чехословакии, СССР ясно и решительно заявил о готовности прийти на помощь Чехословакии. Не вина Советского Союза, что Англия и Франция это предложение проигнорировали и получили позор Мюнхена.

Черчилль был потрясен и возмущен капитуляцией перед Гитлером: «Нам придется вспомнить жалкий клочок бумаги, подписания которого Чемберлен добился от Гитлера в Мюнхене и которым он торжествующе размахивал перед толпой, выходя из самолета. Мы пережили всеобщее и явное поражение, а Франция снесла еще больше, чем мы. Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись равнодушно, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого поплатились за это. Немцы были не единственными хищниками. Польское правительство выдвинуло ультиматум (Чехословакии. — *Я.Р.*) незамедлительно оставить пограничный район Тешин. Венгры также предъявили свои требования. Расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции равносильно полной капитуляции западных демократий перед нацистской угрозой применения силы».

В 1939 г. все еще оставалась возможность предотвратить войну. Это мог сделать союз СССР с Англией и Францией. Однако при переговорах между ними весной и летом 1939 г. возник кризис доверия. В апреле СССР предложил подписать трехстороннюю военную конвенцию по взаимопомощи между Англией,

Францией и Советским Союзом, к которой могла бы при желании присоединиться и Польша. Английское правительство тянуло с ответом и ответило, в конце концов, отрицательно.

Черчилль писал по этому поводу: «Шестнадцатого апреля советское правительство выдвинуло официальное предложение о создании единого фронта взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР. Эти три державы, если возможно, то с участием Польши, должны были также гарантировать неприкосновенность тех государств Центральной и Восточной Европы, которым угрожала германская агрессия. Если бы, например, по получении русского предложения Чемберлен ответил: “Хорошо. Давайте втроем объединимся и сломаем Гитлеру шею” или что-нибудь в этом роде, парламент бы его одобрил, Сталин бы понял, и история могла бы пойти по иному пути».

Печально известная политика «умиротворения» агрессора, главным мотором которой была Англия, базировалась на трех китах: во-первых, на воинствующем неприятии социализма и желании ликвидировать или ослабить СССР (что казалось возможным претворить в жизнь, направив германскую агрессию на Восток); во-вторых, на стратегической недооценке сущности фашизма как угрозы не только социализму, но и западным демократиям и, в-третьих, на иллюзии, что удастся удержать гитлеровскую Германию в тех рамках, которые устраивали бы Англию и ее союзников. Конечно, было бы неверным сводить западную политику только к политике «умиротворения» (в реальной практике все было сложнее), ибо в Англии и во Франции, как и во многих других странах, имелись значительные силы и влиятельные круги, которые были готовы, хотя и с колебаниями и оговорками, к организации совместного фронта с СССР против фашизма. Однако эти силы были разобщены, многие даже реалистически мыслящие политики и общественные деятели страшались и не хотели контактов ни с коммунистами и левыми кругами на Западе, ни с советскими представителями.

К сожалению, не удалось создать и объединенного фронта общественных сил. В те годы еще не осознавалась в полной мере

роль общественности в целом в решении международных проблем. Кроме того, идеологические и мировоззренческие различия столь сильно поляризовали мировое общественное мнение, что трудно было преодолеть противоречия, выработать, а главное — реализовать совместную программу. Наконец, существовал серьезный раскол левых сил в капиталистических странах Европы. В широких кругах населения не чувствовалось понимания грозящей катастрофы. Резко снижало возможности антифашистской борьбы противостояние коммунистов и социал-демократов.

И хотя в середине тридцатых годов Коминтерн, равно как и некоторые другие международные организации, принял важные решения и рекомендации об антифашистской борьбе, реального сплочения антифашистских сил, способных противостоять агрессивным действиям Германии и Италии, осуществить не удалось.

Серьезной помехой к формированию широкого антифашистского фронта левых сил были ошибки и извращения, связанные с культом личности Сталина. Известные резко негативные оценки социал-демократии, данные Сталиным и утвержденные Коминтерном в конце двадцатых — начале тридцатых годов, препятствовали сотрудничеству с социал-демократами, которые объективно являлись союзниками в антифашистской борьбе.

Сталинское осуждение «абстрактного гуманизма», неприятие европейских пацифистов служили тормозом в расширении связей советской общественности с либеральными пацифистскими кругами Запада. В то же время массовые репрессии в Советском Союзе, в том числе и против деятелей Коминтерна, серьезно деформировав облик социализма, подрывали доверие к нашей стране в широких кругах западной общественности, ослабляли ряды коммунистов, то есть огромную реальную силу, противостоящую фашизму. Все это сужало возможности создания широкого антифашистского фронта общественных сил.

Нельзя не учитывать и определенную апатию среди части западных интеллектуалов. Мир был свидетелем многочисленных индивидуальных протестов писателей, художников и ученых

против человеконенавистнического режима. Томас Манн, Альберт Эйнштейн и десятки других видных деятелей науки и культуры покинули Германию, но ни они, ни их многочисленные коллеги не стали символом активной борьбы с нацизмом, не смогли организовать и возглавить массовое сопротивление ему.

В этом плане перед историками стоит задача глубокого изучения позиции общественных сил Запада, включая исследование пацифистского движения того времени. К сожалению, в прошлом мы слишком часто увлекались простым перечислением встреч деятелей науки и культуры, участников международных конференций и конгрессов, не анализируя того, насколько влиятельны и представительны были эти форумы, какие силы и круги при этом оказались вне антифашистского движения, отклоняя тесное сотрудничество с советской ответственностью. Дезориентации общественности и ее разобщенности во многом способствовала и неудача в образовании объединенного антифашистского фронта на официальном, государственном уровне.

В такой напряженной обстановке мир вступил в 1938 год.

МЮНХЕН — АПОГЕЙ «УМИРОТВОРЕНИЯ» И ПРОЛОГ ТРАГЕДИИ

История Мюнхенского соглашения хорошо известна. Поэтому хотелось бы остановиться лишь на некоторых общих вопросах. Прежде всего, Мюнхен установил некий водораздел, ознаменовав собой новый этап в международно-политическом развитии предвоенного периода. До Мюнхена курс на «умиротворение», проводившийся Англией и Францией, выражался в общей направленности политики, в отказе от соглашения с Советским Союзом, в постоянных контактах с гитлеровской Германией и в молчаливом согласии с актами германской агрессии. Аншлюс Австрии, осуществленный Гитлером в марте 1938 г., был его собственной акцией, которую западные державы спокойно проглотили.

Но в Мюнхене ситуация стала принципиально иной. Чемберлен и Даладье своими руками отдали Гитлеру часть Чехословакии, не пожелав посчитаться с интересами чехословацкого народа. Они создавали опасный прецедент, в результате которого Гитлер без единого выстрела получал часть европейской страны. Кроме того, Англия и Франция как бы признали гитлеровский метод «защиты» лиц немецкой национальности, проживающих в других странах, поощряя Гитлера на повторение подобных шагов. Мюнхен нанес сильнейший удар по проектам коллективной безопасности, по самой идее объединения европейских государств на антифашистской основе.

Лидеры Англии и Франции считали, что им удастся направить германские аппетиты на Восток и что в то же время они будут в состоянии удержать вожделения гитлеровской Германии под собственным контролем. Однако очень скоро события опровергли такого рода иллюзии; Германия явно выходила из-под всякого контроля. В марте 1939 г. она захватила оставшуюся часть Чехословакии.

Мюнхен лишил Европу стабильности, отныне малые страны континента стали чувствовать себя неуверенно и ощущали свою незащищенность перед лицом нарастающей фашистской угрозы. Мюнхен создал угрозу изоляции для Советского Союза. Находившийся ранее в известном центре политических и дипломатических событий, СССР утрачивал возможность оказывать влияние на развитие международных отношений. Война угрожающе приближалась к советским границам.

В зарубежной историографии часто можно встретить утверждения, будто западные державы пошли на соглашение с Германией из-за того, что не могли доверять СССР, особенно с учетом массовых репрессий 1937–1938 гг. и ослабления советской военной силы в результате уничтожения руководящих военных кадров. Несомненно, сталинские репрессии шокировали западную общественность, существенно поколебали международный авторитет социалистического государства даже в глазах многих наших сторонников. Можно, однако, выразить сильные сомне-

ния по поводу суждений о влиянии наших внутренних событий на мюнхенскую политику Англии и Франции. Политика «умиротворения» началась и проводилась и раньше, до 1937 г. Западные лидеры (особенно в Лондоне) уже с середины тридцатых годов стремились изолировать СССР, ведя переговоры с Германией. Кроме того, вряд ли соображения морального порядка и забота о правах советских людей так уж сильно волновали столь прожженных политиков, как Чемберлен и Даладье, Галифакс и Лаваль.

В то же время Мюнхен оказал большое влияние на СССР, на представления Сталина и его окружения. Укоренившееся недоверие к западным демократиям получило сильное и вполне реальное подтверждение. Сталин, видимо, явственно ощутил нарастающую изоляцию СССР, неумолимое приближение военной опасности. Постепенно в СССР начался поиск альтернативных решений. А в результате были установлены контакты с Германией. Этот поворот проявился и в раздражении Сталина против Литвинова. В дипломатических кругах в Москве все больше распространялись слухи о литвиновской опале. Они подтвердились, когда в мае 1939 г. новым руководителем внешнеполитического ведомства стал Молотов, человек совершенно иного склада и мышления, один из деятелей, наиболее приближенных к Сталину. Подводя итоги развития событий в 1938 г., можно прийти к выводу о том, что западные державы в Мюнхене нанесли сокрушительный удар по идее коллективной безопасности, побудили СССР искать альтернативы в дипломатических контактах с Германией, стимулировали рост недоверия Сталина к западным демократиям, сказавшегося и в августовские дни 1939 г.

ПРЕДВОЕННЫЙ КРИЗИС

Острые дискуссии, развернувшиеся вокруг предыстории Второй мировой войны, в значительной мере сконцентрированы на англо-франко-советских переговорах летом 1939 г. и на советско-германском пакте от 23 августа 1939 г.

Весной того года английские и французские лидеры имели возможность убедиться в несостоятельности своих попыток удержать действия Германии под контролем. Нацистское руководство шаг за шагом проводило свою программу, выступая в союзе с Италией и Японией. В марте 1939 г. Германия захватила Клайпеду, создав непосредственную угрозу прибалтийским государствам. Усиливая антипольскую кампанию, гитлеровцы готовились к удару по Польше. Документы показывают, что окончательное решение напасть на эту страну было принято Гитлером в апреле 1939 г. Италия к тому времени оккупировала Албанию, а Япония, используя антикоминтерновский пакт, активизировала свои агрессивные поползновения на Дальнем Востоке и в мае 1939 г. спровоцировала военный конфликт с СССР.

Понимая, что Германия готовится к слому всей европейской системы государств, руководители Англии и Франции совершили два важных шага — они приняли решение о гарантиях Польше и Румынии и согласились на политические и военные переговоры с СССР. Польша и Румыния были традиционными сферами французского влияния, Англия также имела сильные позиции в Польше, и оккупация последней рассматривалась в Париже и Лондоне как удар по позициям этих стран и как их существенное ослабление в случае возможного столкновения с Германией. Но одновременно Англия продолжала тайные переговоры с Германией, по-прежнему ведя игру «умиротворения» и рассчитывая прийти к какому-то соглашению с Гитлером.

Весной 1939 г. начались и активные советско-германские контакты. Они открылись обсуждением торгово-экономических вопросов, но постепенно затрагивали и политическую сферу. В такой сложной обстановке были начаты политические, а затем и военные переговоры между СССР, Англией и Францией.

Существует мнение, что эти переговоры были заранее обречены на неудачу. Некоторые советские историки полагают, что после Мюнхена уже не было никакой альтернативы последующему советско-германскому соглашению. Как представляется, столь категоричное суждение грешит упрощенчеством.

Конечно, взаимное доверие трех потенциальных союзников в противодействии гитлеровской Германии оказалось в большой мере подорванным в результате Мюнхена, но не все еще было потеряно. Сохранился один шанс — и он состоял в политических и военных переговорах летом 1939 г. по поводу заключения пакта о взаимопомощи и, особенно, о военной конвенции между Англией, Францией и Советским Союзом. Ход и итоги этих переговоров достаточно хорошо известны. Поэтому остановимся лишь на некоторых моментах.

Внимательное изучение имеющихся документов дает основание для оценки действий участников переговоров и модификации некоторых наших прежних представлений. Прежде всего, необходимо известное разграничение позиций Англии и Франции на переговорах военных миссий в августе 1939 г., чего ранее практически не делалось. В Париже нарастала тревога в связи с усиливающейся германской агрессивностью. Французская дипломатия, балансируя между старой политикой «умиротворения» и боязнью германской агрессии, вела себя на переговорах непоследовательно, но в конце концов, после колебаний 21 августа французское правительство уполномочило своих представителей подписать тройственную военную конвенцию.

Одновременно, как показывают французские документы, представители Франции в Варшаве пытались воздействовать на польского министра Бека, рекомендуя дать хотя бы в какой-либо форме согласие на пропуск советских войск через польскую территорию в случае возникновения войны с агрессором (имелась в виду Германия) и включить это соглашение в текст конвенции.

Ситуация становилась тупиковой из-за позиции тогдашних лидеров Англии. Ее представители так и не получили полномочий на подписание конвенции. Одновременно, как это теперь видно из английских документов, британские дипломаты продолжали тайные переговоры с гитлеровцами. Английские дипломаты показывали свою незаинтересованность и в согласии Польши на пропуск советских войск.

Сейчас многие исследователи пишут о том, что ключи к успеху московских переговоров во многом находились в руках Варшавы. Выразим сомнение в истинности такого предположения ввиду неконструктивной позиции Англии, которая, будучи фактически главным нашим западным партнером на переговорах, явно не хотела соглашения. И все же польская позиция в те драматичные дни стоила многого.

Ныне некоторые польские историки критикуют советских ученых за упрощенный подход к политике Польши. Они пишут, что в ряде советских трудов преувеличиваются польско-германские связи во второй половине тридцатых годов. Думаю, эти упреки справедливы, и нам следует дать более точную и сбалансированную оценку польской политике того периода. Но фактом остается то, что в решающие дни Бек и его окружение не проявили реализма. Бек постоянно ссылался на заветы Пилсудского, согласно которым ни в коем случае нельзя допустить появления чужих солдат на польской территории. Он говорил французскому послу в Варшаве и о том, что Красная Армия оказалась ослабленной репрессиями командного состава и что поэтому положиться на нее нельзя. Все это можно было бы принять во внимание, но вспомним, что в те дни десятки германских дивизий уже стояли на польской границе и что их нападения можно было ждать со дня на день.

В такой обстановке реминисценции Бека и его обращение к заветам Пилсудского выглядят не только не убедительно, но и трагично для судеб Польши. Быть может, соглашение в Москве все равно бы не состоялось, но неуступчивость Польши в тот драматичный период нельзя оценить иначе, как проявление политической близорукости.

Что касается СССР, то хорошо известны заявления советской делегации на переговорах о готовности к заключению конвенции, о ее главном и непереносимом требовании получить согласие Польши и Румынии на пропуск советских войск. К сожалению, мы не располагаем пока достаточным количеством материалов, которые дали бы полную картину того, как в те ав-

густовские дни в советском руководстве проходило обсуждение складывавшейся ситуации. Нет у нас и корпуса донесений советских послов из европейских столиц. Думается, что синдром недоверия к Англии и Франции после Мюнхена и активные контакты, осуществлявшиеся с Германией, неизбежно сказывались на советской позиции. К тому же в Москве было известно, что Англия продолжает переговоры с Германией. Не вызывало сомнений и то, что Польша проявляет нежелание идти на уступки и компромиссы.

И все же необходимы более глубокий и непредвзятый анализ советской позиции и выяснение того, что было сделано, а что упущено на августовских переговорах для достижения соглашения. После 20–22 августа переговоры зашли в тупик, и возможность соглашения была утрачена.

В связи с московскими переговорами мы вправе говорить о таком феномене международных отношений, как идея упущенных возможностей. Этот термин уже начал использоваться нашими историками-международниками. Можно сделать вывод, что в те тревожные августовские дни участники переговоров в Москве явно недооценили агрессивную сущность и ударную силу фашизма, упустили из виду ту смертельную опасность, которую нес фашизм всему человечеству.

Как бы то ни было, переговоры оказались безрезультатными, и перед Советским Союзом встала проблема принятия ответственного решения. Судя по имевшимся данным, война оказалась буквально на пороге, нападение Германии на Польшу было предрешено, и мы находились перед прямой угрозой выхода фашистской Германии к советской границе близ Минска и захвата немцами Прибалтики. Рассчитывать на то, что Англия и Франция реально выполнят свои гарантии Польше, было весьма проблематично, что и подтвердили последующие события.

Нельзя было не учитывать и того, что на Дальнем Востоке существовала угроза со стороны милитаристской Японии. Другими словами, СССР стоял перед возможностью войны на два фронта. В итоге в Москве приняли предложение Германии о

приезде Риббентропа, который 23 августа и подписал с Молотовым советско-германский договор о ненападении. Продиктованный создавшейся обстановкой, договор должен был предотвратить для СССР вступление в войну в 1939 г. и дать время для повышения обороноспособности страны (другой вопрос, и он требует тщательного анализа, — как это время в действительности было использовано).

«Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим, — отмечал М.С. Горбачев в докладе в связи с 70-летием Великого Октября. — Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени».

Само по себе подписание договора о ненападении не было чем-то из ряда вон выходящим. В конце двадцатых и в тридцатые годы был подписан целый ряд договоров о ненападении. Последними из них были соглашения Англии и Франции с фашистской Германией в сентябре — декабре 1938 г. Существует, однако, и другой аспект, связывающий договор с теми деформациями, которые были присущи эпохе культа личности, со свойственным Сталину и его окружению пренебрежением принципами морали и нравственности. Эти факторы сказались как на трактовке договора, так и на действиях Советского правительства после его подписания. И именно они, пожалуй, в большей степени, чем сам договор, шокировали мировое общественное мнение и по-прежнему остаются полем острых дискуссий и критики в адрес СССР.

Уже на следующий день после подписания договора в Кремле в газете «Правда» появились насторожившие многих слова об окончании вражды между двумя странами. 28 сентября 1939 г., после захвата немцами Польши, был подписан еще один советско-германский договор, призванный демаркировать новую линию границы. Игнорируя то, что договор подписывался с фашистской Германией, его назвали «Договор о дружбе и границе».

В выступлениях Молотова в Верховном Совете осуждались действия Англии и Франции, которые назывались агрессивными за то, что они силой оружия пытаются подавить идеологию гитлеризма. В выступлении 31 октября 1939 г. Молотов заявил: «Наши отношения с Германией... улучшились коренным образом. Здесь дело развивалось по линии укрепления дружественных отношений, развития практического сотрудничества и политической поддержки Германии в ее стремлениях к миру». И далее: «Мы всегда были того мнения, что сильная Германия является необходимым условием прочного мира в Европе». Через год, 1 августа 1940 г., он официально объявил, что «в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии». Такого рода заявления давали основания говорить о межсоюзнических отношениях, а исчезновение из нашей пропаганды осуждения фашизма даже создавало впечатление идеологического примирения с ним. К тому же в высказываниях Молотова содержались противоправные, оскорбительные выпады против польского государства. Впоследствии, в ходе войны Англии и Франции против Германии, Сталин и Молотов вплоть до осени 1940 г. приветствовали «большие успехи» германских вооруженных сил, поздравляли фашистов с очередной победой.

Допускались и предвзятые оценки борьбы Англии против гитлеровской Германии. Эти заявления и действия дезориентировали мировое общественное мнение, поставили в трудное положение международное коммунистическое движение.

В соответствии с целым рядом экономических соглашений, подписанных с нацистской Германией, СССР вплоть до начала Отечественной войны поставлял ей стратегические материалы и сырье, постоянно сталкиваясь с невыполнением гитлеровцами их собственных экономических обязательств в отношении нашей страны.

Наконец, в 1939–1940 гг. продолжались массовые репрессии и нарушения социалистической законности внутри Советского

Союза, в том числе против польского населения на территории Западной Украины и Западной Белоруссии и против жителей Прибалтики.

В Германии внимательно следили и реагировали на массовые репрессии, которые проходили в СССР. Показательно, что 25 января 1937 г. И. Геббельс записал в своем дневнике: «В Москве опять показательный процесс. На сей раз почти исключительно против евреев. Радек и другие. Фюрер еще сомневается, имеется ли в процессе скрытая антисемитская тенденция. Возможно, Сталин все же желает избавиться от евреев. И среди военных, кажется, присутствует сильный антисемитизм. Итак, со вниманием будем следить за дальнейшим»¹.

Вместе с тем евреи бывшей польской Западной Украины и Западной Белоруссии, присоединенных к СССР, оказались в весьма сложной ситуации.

¹ *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. — М.: Международные отношения, 2001. С. 181.

ИОСИФ СТАЛИН ИЗУЧАЕТ КНИГУ АДОЛЬФА ГИТЛERA «МАЙН КАМПФ»

Сталин был самым первым советским иностранным читателем книги Гитлера «Майн Кампф». Он был самым большим ее знатоком и ценителем. Первый перевод «Майн Кампф» был сделан не на какой-нибудь, а именно на русский язык. По личному приказу Сталина. Как у нас водится, перевод делали без согласия автора. Но гонорар заплатили... правда, не сразу.

Не мог Сталин платить гонорар сразу: в момент выхода «Майн Кампф» он был не единственным лидером — вождей в Кремле была целая свора. И вовсе не каждому был понятен смысл гитлеровского творения. А товарищ Сталин все сразу схватил, взвесил и оценил. И вот, передувив соратников, Сталин воздал должное создателю «Майн Кампф». Сталин выплатил гонорар автору полюбившейся книги. Он глубоко вник в ее содержание, но соответствующих выводов не сделал... Количество изданных в то время на русском языке экземпляров неизвестно. На сохранившемся экземпляре тираж не указан. Однако ясно: минимальный. И вот за штучные экземпляры, а возможно, и за один-единственный экземпляр товарищ Сталин щедро заплатил Гитлеру... Щедрым был товарищ Сталин. Он подарил Гитлеру весь золотой запас Германии вместе с ней самой, с ее городами, дорогами, заводами и портами, музеями и барахолками, вместе с берлинским зверинцем с его лебедями

и медведями. Сталин подарил Гитлеру Германию вместе со всем ее народом: рабочими, крестьянами, трудовой интеллигенцией, вместе с бургомистрами и полицейскими, конвоирами и арестантами, трубочистами, врачами и скрипачами. Сталин подарил Гитлеру власть над Германией. «Без Сталина не было бы Гитлера, не было бы и гестапо» — так в октябре 1936 г. Лев Троцкий оценил сталинскую помощь Гитлеру. Не больше и не меньше: без Сталина не было бы Гитлера. Без сталинской помощи Гитлер не пришел бы к власти в Германии. Он оснастил немецкую промышленность необходимым сырьем и дорогостоящими материалами — металлом, нефтью, хлебом, марганцем и т. д.

Теперь постараемся уяснить обстановку в середине двадцатых годов. Гитлеровская книга впервые вышла в свет. И вот в Кремле сидит товарищ Сталин, а в Мюнхене, в пивной «Хофбройхауз», — Адольф Шикльгрубер, он же Гитлер.

Товарищ Сталин — один из вождей Советского Союза, как бы первый среди равных. Но это только кажется. Уже некоторыми подмечено, что товарищ Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть, власть над огромной страной. В строгом порядке очередности расправляется со своими соперниками...

А кто такой Шикльгрубер? Архитектор-неудачник. Солдат-фронтовик. Провинциальный революционер. Его заслуги перед революцией пока невелики. Во время Баварской советской республики Шикльгрубер был всего лишь ефрейтором в местной Красной армии. После разгрома советской республики Гитлер был арестован, но вскоре выпущен, так как его личный вклад в дело торжества мировой коммунистической революции не сочли значительным. Затем красноармеец Шикльгрубер вступил в небольшую пролетарскую партию, которая руководствовалась лозунгом своего идейного отца Готфрида Федера, призывавшего к мировой революции под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». Эту программу Адольф Шикльгрубер принял за фундамент движения, которое сам вскоре возглавил. Партия Гитлера ставила перед собой откровенно

коммунистические цели: запрет частной собственности на землю, запрет на продажу земли, конфискация прибылей военных предприятий, рабочий контроль над администрацией заводов и фабрик, национализация крупных предприятий... И вот 8 ноября 1923 г. — социалистическая революция в Германии. Революция была организована Коминтерном и приурочена к годовщине захвата власти большевиками в России. Революция откровенно и почти открыто руководилась посланцами Москвы, например одним из лидеров советской военной разведки товарищем Уншлихтом. И хотя революция провалилась, Национал-социалистическая рабочая партия Гитлера показала себя как сплоченный, хотя и небольшой боевой отряд германского рабочего класса. Шикльгрубер лично вел своих боевых товарищей под пули полиции. Некоторые из его сподвижников погибли, сам же Гитлер был ранен и попал в тюрьму.

И вот тут-то он и впал в ересь. Вот тут наметилось отклонение от основных идей марксизма-ленинизма. Гитлер решил отказать от захвата власти насильственным путем. Его путь к власти — через законные демократические выборы. В тюрьме Гитлер написал книгу, и в ней — те самые слова о землях на Востоке. Ленин и Троцкий считали, что ради всеобщего счастья нужно принести в жертву народ своей собственной страны, а Гитлер считал, что надо поступить как раз наоборот: ради счастья своего народа принести в жертву другие народы, например завоевать для Германии земли на Востоке с соответствующими последствиями для коренного населения.

Прикинем, что должен делать вождь мировой революции товарищ Сталин, узнав, что в среде германских социалистов наметился уклон, что бывший красноармеец вышел из подчинения Москвы и гнет свою линию? Казалось бы, истребить такого революционера, да и только. Любой уклон в среде социалистов Сталин давил беспощадно. Но почему он не предпринял ничего для подавления гитлеровского уклона в германском рабочем движении? Гитлеризм можно было удавить в зародыше. Долго ли: послать в Мюнхен идейного борца с ледорубом... Никто и

внимания не обратил бы: один социалист другому череп проломил. Дело привычное. Для всех нас бандиты и есть бандиты. Но бандиты бывают разные, они грызутся между собой и нередко друг друга убивают. Так и среди социалистов. Это для всех нас социалисты — одна масть. А они между собой по каким-то совершенно неприметным нюансам друг друга различают: этот — марксист, этот — гитлеровец, а этот — ленинец. И ломают друг другу черепа. Сколько они сами своих поубивали да покалечили. Сколько один Сталин уклонистов извел! Но почему Гитлера не тронул? А ведь можно было Гитлеру свернуть шею и весь гитлеровский кабак спалить вместе со всеми его обитателями.

А еще мог бы Сталин на Гитлера просто внимания не обращать, и тогда, без сталинской помощи, гитлеризм распустился бы пустоцветиком. Не дав кровавых плодов. Но Сталин выбрал третий путь: открытую и всестороннюю помощь Гитлеру. Сталин прорубил Гитлеру дорогу к власти.

Как своевременно Троцкий высказал по этому поводу свое заключение — без Сталина не было бы Гитлера. Германский историк Томас Вайнгартнер не дожидаясь, когда откроют секретные архивы Кремля, не надеясь на какие-то сенсационные откровения, взял всем известные резолюции конгрессов Коминтерна, протоколы Исполкома этого «штаба Мировой революции», статьи из «Правды» и «Роте Фане» и на конкретном, неопровержимом материале издал книгу «Сталин и возвышение Гитлера. Политика Советского Союза и Коммунистического Интернационала по отношению к Германии», простую и понятную. И возразить коммунистам нечего. Рассуждая о написанном и опубликованном Вайнгартнером, в свое время Троцкий сказал, что к написанному у него нечего добавить. Без меня доказано, что гитлеровские грезы о землях на Востоке так и остались бы фантазиями мюнхенского мечтателя, если бы не исполненная сталинская помощь. Кто внес раскол в единство рабочего класса Германии? Кто свел к поражению накал революционной борьбы немецкого пролетариата? Кто открыл путь Гитлеру и его единомышленникам к власти?..

Ведь Сталину, как мыслящему руководителю, из прочитанного в «Майн Кампф» было понятно, что Гитлер — крупнейший авторитет и шовинист, поборник неограниченного культа силы, демагог и человеконенавистник, явно переоценивший свои возможности, — являлся живым воплощением агрессивного германского империализма. К этому времени, то есть к 1933 г., создание в СССР тоталитарной командно-административной системы, во главе которой стоял Сталин, уже было свершившимся фактом. И на протяжении всего исследуемого периода его воздействие не только на внутреннюю, но и на внешнюю политику Советского государства было решающим. Несмотря на свои личные качества: хитрость и коварство, жестокость и мстительность по отношению к действительным и мнимым противникам, безграничные честолюбие и властолюбие, умение разбираться в окружающих и использовать их в своих интересах, маниакальная недоверчивость и подозрительность, недюжинные организаторские способности, природный ум и колоссальная работоспособность, умение четко формулировать тактические и стратегические цели политики, доводить принятое решение до конца, — Сталин, своевременно разглядев приближающуюся угрозу, не предпринял надлежащих мер к ее ликвидации. Обоих диктаторов объединяло стремление к мировому господству. Как для Гитлера, так и для Сталина «политика, — пишет Д. Волкогонов, — всегда была фаворитом в соотношении с нравственностью. Он презирал жалость, сострадание, милосердие... В политике Сталин не находил места для моральных ценностей»¹. Гитлер конкретно заявил, что нельзя улучшить положение трудящихся немцев, не отобрав богатств у других. Но те добровольно их не отдадут. Поэтому единственный путь к этому — война, этой цели и надо подчинить всю жизнь страны. «Когда Урал с его безграничными природными богатствами, Сибирь с ее богатыми лесами и Украина с ее без-

¹ Волкогонов Д. Триумф и трагедия И.В. Сталина. Политический портрет. Кн. 1. — М., 1989. С. 277.

брежными полями зерновых культур перейдут к Германии, то каждому немцу хватит для жизни», — разжигал грабительские аппетиты Гитлер. Умело сочетая милитаристскую пропаганду с клятвенными обещаниями уже в ближайшее время обеспечить всяческие блага каждому немцу, Гитлеру удалось привлечь на свою сторону широкие массы населения Германии и сделать их послушным орудием при осуществлении своих агрессивных замыслов. Ведь Сталину из заявлений Гитлера и других нацистских вожakov было известно, что магистральный путь к достижению своих захватнических целей они видят в ликвидации государственной независимости народов Советского Союза, их порабощении.

«Мы, национал-социалисты, — писал Гитлер в книге «Майн Кампф», — сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени. Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и на запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориальных завоеваний. Но когда в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает нам путь»¹.

Что из этого было для Сталина непонятным? И все же советское правительство официально поставило перед Гитлером вопрос, остается ли в силе его заявление об экспансии на Восток, сделанное им в «Майн Кампф». Ответа не последовало, и советское правительство было вынуждено констатировать: «По-видимому, это заявление остается в силе, ибо только при этом предположении становится понятным многое в теперешних отношениях Германского правительства с Советским Союзом». И Гитлер действовал целенаправленно к осуществлению своей жизненной цели, не останавливаясь перед трудностями.

¹ *Hitler A. Mein Kampf. — München, 1940. S. 296–297.*

Сегодня уже многие знают содержание гитлеровской книги «Майн Кампф» и не только его теоретическое содержание, но испытали на своем горбу попытки его воплощения в жизнь; одновременно вызывает удивление близорукость «великого гения» Иосифа Сталина: ведь Гитлер четко написал в своей книге, что ему нужны земли на Востоке!

Однако Сталин, в отличие от Хрущева и тысячи других обвинителей, читал «Майн Кампф» полностью. До самой последней страницы. И вычитал товарищ Сталин, что главную задачу будущей Германии Гитлер видел не в землях на Востоке, об этом в книге одна фраза, а в том, чтобы освободить Германию от оков Версальского договора, и в этом сталинская политика оказала все возможные услуги, чтобы воплотить задуманное Гитлером в жизнь.

Земли на Востоке — не ближайшая задача, а перспектива на грядущие века. Этому мнению придерживался не только Гитлер, но все его ближайшее окружение: «Земли надо завоевывать не в Африке, а в Европе, прежде всего на Востоке. Это естественный путь германской внешней политики на столетия вперед»¹. В «Майн Кампф» есть указание о землях на Востоке, но нет указания на то, когда Германия эти земли должна захватить. Гитлер писал о землях в 1924 г., но из этого вовсе не следует, что немцам надо немедленно идти на Восток. И про 1941 г. там ничего не сказано. Гитлер делил врагов Германии на внутренних и внешних. Враги внутренние — евреи. Враги внешние — французы и те же самые евреи.

А сталинская тактика заключалась в том, чтобы все делать чужими руками, чтобы одних своих врагов уничтожить руками других. «Сталин всегда находил обезьян, которые таскали ему каштаны из самого жаркого огня» — это сказал Роберт Конквест. «Как никто умел он сшибать лбами своих конкурентов, всегда оставаясь в стороне и над ними», — заметил А. Антонов-Овсеенко.

¹ Rosenberg A. Der Zukunfturg einer deutschen Aussenpolitik. — München, 1927. S. 20.

Только уяснив, в чем заключается сталинский метод борьбы, мы можем понять, чем же Сталину так понравился мюнхенский мечтатель и его творение «Майн Кампф».

Прочитав и проанализировав многое из того, что произносил и писал в те годы Сталин, становится понятным, что сближало этих двух диктаторов. С одной стороны, он делал вид перед мировой общественностью, что ведет борьбу с антисемитизмом и что в его окружении есть верные соратники в составе Мехлиса, Кагановича, Лозовского, Ярославского и других, демонстрируя отсутствие националистических и расовых предрассудков. И в то же время... Сталин привел к власти в Германии самого главного антисемита всех времен и народов, который, дорвавшись, осуществлял в Европе «окончательное решение». Сталин не оставался в стороне. И только после войны, когда Гитлер не оправдал его надежды, осуществив «окончательное решение» лишь частично, Сталин был вынужден снять маску и лично заняться этим вопросом. Довести до победного завершения завещание А. Гитлера.

Вот тут и проступает связь между содержанием «Майн Кампф» и всесторонней сталинской поддержкой Гитлеру. Гитлер не только растрезвонил о стремлении идти на Восток, он и Францию объявил смертельным врагом. Добавив к этому списку еще и евреев, Гитлер взвалил на свой горб ту самую лишнюю соломинку, которая ломает хребет даже верблюду.

Сталин по достоинству оценил мысли новоявленного фюрера и его планы, изложенные в «Майн Кампф». Из этой книги явно следовало: появился тот, кто будет воевать против всего мира. Тот, кого будут все ненавидеть. Тот, против кого восстанут все народы. Тот, кому весь мир вынужден будет объявить войну. Вся ненависть народов мира будет сосредоточена на Гитлере и его последователях. Если Гитлер развяжет войну, то в первую очередь это будет война против кого угодно, но не против Советского Союза. Если Гитлер развяжет войну, то логика борьбы потребует рассредоточения и распыления сил Германии по всему европейскому континенту и вне его пределов. И каждый,

кто выступит против Гитлера, будет считаться освободителем и благодетелем.

Непонятно вот что: с момента первого появления «Майн Кампф» и до самой войны в течение пятнадцати лет в Советском Союзе цитата Гитлера звучала из каждого репродуктора, с каждой крыши и с каждого фонаря, с каждой трибуны, высокой и низкой, на каждом колхозном собрании и в школьных учебниках... И вот после всего этого германское нападение оказалось для Сталина внезапным.

Что за чертовщина: весь советский народ знал, что Гитлеру нужны земли на Востоке, а товарищ Сталин делал вид, что он этого не знал. Какая лицемерная глупость великого кормчего, ведь он был одним из первых читателей этого опуса, но соответствующих выводов не сумел сделать, решил задобрить злого волка всем необходимым для будущего похода на Восток. После XX съезда КПСС каждый, цитируя Гитлера, обвинял Сталина в близорукости: ведь фюрер сам открыто объявил свои намерения. Сталин, хотя и был одним из первых читателей книги Гитлера, действовал соответственно в унисон с пожеланиями великого завоевателя. 23 августа 1939 г. Сталин подарил Гитлеру Польшу, а с ней и всю Европу. Ведь это не выдумка, а реальность...

Перед тем как захватывать земли на Востоке, Гитлеру следовало обезопасить себя от смертного врага — Франции. Разгром Франции для Гитлера был первостепенной задачей. Сталин знал, что Франция для Гитлера не просто главный враг, но враг смертельный. Сталин понимал, что если Гитлер попытается освободить Германию от французского экономического рабства, от Версальского договора, то немедленно в дело ввяжется Британия, так как не одна Франция Версальский договор Германии навязала, а в союзе с Британией. А если Германия ввяжется в войну против Британии и Франции, то в орбиту войны будут втянуты и другие страны... Что Сталину и требовалось. И в этом вопросе проявилась сталинская близорукость. Дать свое согласие на разгром польского государства и приблизить

армию вермахта вплотную к границе с Советским Союзом, не сознавая смертельной угрозы...

Сталину было известно, что в начале апреля 1939 г. верховное командование вермахта завершило разработку директивы по проведению операции «Вайс». 11 апреля директиву утвердил Гитлер. Она предусматривала открыть военные действия против Польши внезапным мощным ударом и добиться быстрых успехов. «Подготовку проводить с таким расчетом, чтобы обеспечить готовность к проведению операции не позднее 1 сентября 1939 г.». На совещании фашистского генералитета 23 мая Гитлер вновь подчеркнул, что речь идет не о каких-то спорных вопросах в отношениях с Польшей, а о полном порабощении этой страны и о приобретении «жизненного пространства» на Востоке. «Есть только одно решение, — объявил Гитлер, — напасть на Польшу при первой же благоприятной возможности».

Еще до того, как план «Вайс» был утвержден Гитлером, исчерпывающая информация о нем лежала на столе в кремлевском кабинете Сталина. Не остались секретом планы Гитлера для Лондона и Парижа. Таким образом, весной и летом 1939 г. между Москвой, Берлином и западными столицами развернулась рискованная политическая игра, в которой на карту были поставлены судьбы многих народов и государств.

Антисоветизм, лежавший в основе политики, которую проводили правящие круги Англии и Франции, закрывал им дорогу к такому сотрудничеству с Советским Союзом, при котором он становился бы их полноправным военным союзником, а фашистская Германия — противником. Для них важно было другое: вовлечь СССР в переговоры, демонстрируя тем самым Германии сближение с Советским Союзом, не дать СССР остаться в стороне от назревшего англо-франко-германского конфликта, не допустить урегулирования и нормализации советско-германских отношений, оставить путь на Восток для фашистской Германии открытым.

Выступая 1 апреля 1939 г. в Вильгельмсгафене по случаю спуска на воду линкора «Тирпитц», Гитлер в достаточно ясной

форме заявил о своих усилиях вбить клин между западными державами и Советским Союзом. С учетом всех этих обстоятельств и следует рассматривать и оценивать советско-германские отношения весной и летом 1939 г.

Что касается советской дипломатии, то именно в это сложное и без преувеличения, можно сказать, судьбоносное для народов время она лишилась опытного и профессионального руководства. Хорошо информированный американский дипломат, поверенный в делах США в Москве А. Кирк, 22 февраля 1939 г. сообщал в Вашингтон, что «влияние Литвинова упало настолько, что это может означать смену народного комиссара иностранных дел». «Литвинову становилось все труднее работать, — пишет его биограф З.С. Шейнин. — Он еще стоял во главе советской дипломатии, но стал замечать, что вокруг него постепенно образуется вакуум... В наркомдел приходят новые люди, назначенные без ведома Литвинова. Ему становится известно, что не все советские полпреды шлют ему информации»¹. Так, в обход наркома торгпред в Берлине Д. Канделаки и секретарь посольства в Хельсинки Б. Мальцев по важнейшим политическим вопросам обращаются прямо к В.М. Молотову.

Встав во главе НКВД, Берия стремился поднять и дипломатическую службу. Любое назначение в НКВД, вплоть до курьера и уборщицы, могло быть осуществлено лишь с санкции НКВД. Посланцы Берии, направленные им резиденты НКВД, буквально терроризировали советские представительства за границей. Их смертельно боялись не только рядовые дипломаты, но и многие полпреды. По воле резидента НКВД любой советский дипломат мог быть за 24 часа откомандирован в Москву, где его почти неминуемо ждал арест. В коллективах посольств насаждалась атмосфера страха, доносов, провокаций.

27 апреля М.М. Литвинова в связи с незначительным инцидентом вызвали «на ковер» к Сталину. Присутствовавший при

¹ Шейнин З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. — М., 1989. С. 360.

этом И.М. Майский (он был виновником инцидента) рассказывал впоследствии: «Впервые я видел, как сложились отношения между Литвиновым, Сталиным и Молотовым. Обстановка на заседании была накалена до предела. Хотя Сталин выглядел внешне спокойным, попыхивал трубкой, чувствовалось, что он настроен к Литвинову чрезвычайно недружелюбно. А Молотов буйствовал, непрерывно насакивал на Литвинова, обвиняя его во всех смертных грехах»¹.

В ночь с 3 на 4 мая 1939 г. М.М. Литвинов в присутствии «понятых» — Берии и Маленкова — был смещен с поста наркома иностранных дел, а на этот пост был назначен Председатель Совнаркома СССР В.В. Молотов. Официальная версия отставки М.М. Литвинова, объявленная В.М. Молотовым на собрании работников НКВД, гласила: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведения партийной линии, линии ЦК ВКП(б) в наркомате. Неверно определять прежний НКВД как небольшевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКВД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в НКВД»².

Для советской дипломатии замена М.М. Литвинова В.М. Молотовым не могла пройти бесследно. Окончательно менялся весь стиль работы НКВД. «Молотов, — пишет в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев, — на меня производил в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего. Он имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и высказывал Сталину, что он думает. Было видно, что Сталину это не нравится, а Молотов все-таки настаивал»³.

Иначе характеризуют В.М. Молотова иностранные дипломаты, работавшие в то время в Москве. «Он никогда не прово-

¹ Шейнин З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. — М., 1989. С. 362

² Международная жизнь, 1988. № 4. С. 126.

³ Огонек, 1990. № 5. С. 20.

дил собственной политики, — пишет в своих воспоминаниях секретарь посольства США Ч. Болен. — Сталин делал политику. Молотов проводил ее в жизнь... Я никогда не видел, чтобы Молотов предпринял какой-то тонкий маневр, но его упрямство позволяло ему достигать цели... Молотов раболепно относился к своему хозяину». Ему вторит советник немецкого посольства в Москве Г. Хильгер: «Молотов — прекрасный администратор, способный исполнитель поручаемых ему политических мероприятий, и опытный чиновник. Однако, в отличие от своего предшественника по Наркоминделу, он не обладал творческим умом... Сам Молотов, видимо, ощущал свою неполноценность русского чиновника и компенсировал это узким национализмом и глубоко укоренившейся подозрительностью к иностранцам и “космополитам”»¹.

Молотов никогда ранее не был на дипломатической работе, не знал ее тонкостей, не имел профессиональных знаний. В какой-то степени эти недостатки В.М. Молотова как дипломата компенсировались достоинствами Владимира Петровича Потемкина, занявшего пост заместителя наркома и ставшего в тот период правой рукой В.М. Молотова. «Представительный и внешне привлекательный, высокообразованный дипломат В.П. Потемкин принадлежал к числу выдающихся партийных интеллектуалов», — рассказывает опытнейший советский дипломат А.А. Рошин, работавший в 1939 г. помощником В.П. Потемкина.

Возникает вопрос: имелись ли принципиальные политические причины отставки М.М. Литвинова? Безусловно, что да! М.М. Литвинов выступал за коллективную безопасность, за союз с Англией и Францией на антигитлеровской основе. Сталин же стал ориентироваться на соглашение с Германией. Линия Сталина, естественно, победила, и Литвинова убрали. Иногда ссылаются на то, что в Берлине с удовлетворением встретили отставку М.М. Литвинова. Представляется, что это связано с

¹ Hilger G., Meyer A. The Incompatible Allies. — N. Y., 1953. P. 292.

закоренелым антисемитизмом Гитлера и его окружения. Замена Литвинова Молотовым, который, как подчеркивал временно заменявший Шуленберга советник Типпельскирх в своем донесении в Берлин, не был евреем, видимо произвела определенное впечатление в высших нацистских сферах.

Вот какое впечатление произвела на министра иностранных дел гитлеровской Германии Риббентропа его первая встреча со Сталиным: «Затем заговорил Сталин. Кратко, точно, без лишних слов. То, что он говорил, было ясно и недвусмысленно... Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление: человек необычайного масштаба. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дали мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, — человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде». Далее — о широте души, щедрости, радушии и гостеприимстве Сталина. Вернувшись в Берлин, очарованный Риббентроп рассказывал, что чувствовал себя в Кремле «как среди старых партийных товарищей». Советское правительство дало свое согласие на обеспечение могущества Германии необходимым металлом, нефтью, хлебом...

А вот как гостей принимал Гитлер. Будучи вегетарианцем, всех, кто в рядах вегетарианцев не состоял, он считал трупоедами, так их и называл за своим столом и всячески старался испортить им аппетит. Впрочем, те, кто не ел мяса, но ел рыбу, были тоже Гитлеру омерзительны, и он этого не скрывал. «Когда приносили вареных раков, он принимался рассказывать о том, как в одной из деревень умерла старуха и родственники сбросили ее труп в ручей, чтобы таким образом наловить побольше раков. Если же он видел жареных угрей, то как бы между

прочим замечал, что лучше всего эти рыбы клюют на дохлую кошку»¹.

Приятного аппетита, дорогие гости.

О личной жизни Сталина мы знаем мало. Но одна деталь делает его непохожим на Гитлера. У Сталина были два сына и дочь. Это свидетельствует о том, что в половом отношении он был нормальным человеком. Берлинский психиатр доктор Артур Кронфельд имел возможность наблюдать Гитлера с предельно близкой дистанции: «Как многие резко выраженные психопатические личности, Гитлер ненормален в половом отношении. Можно считать установленным, что чувство любви к женщине ему не доступно. В прошлом он был в половой связи с Гейнесом и Эрнстом. Оба были убиты по приказу рейхсканцлера 30 июня 1934 г.».

В окружении Гитлера больше половины педерастов. Он таких себе и подбирал. А причина уничтожения главы СА Э. Рема и его любовного окружения не в том, что они были педерастами, а в том, что они из этого не делали секрета. Гитлер их уничтожил для того, чтобы все думали, что сам он не из того же круга.

Посмотрим же, как Гитлер и Сталин принимали решения и как эти решения выполняются. За сталинским умением толково вести совещания, деловые встречи и переговоры стоял простой секрет: он к ним готовился. Перед любой встречей с министрами, генералами, конструкторами вооружения, секретарями обкомов и крайкомов, дипломатами, представителями иностранных государств, разведчиками, директорами предприятий Сталин собирал необходимые сведения, их изучал, анализировал, делал соответствующие выводы, конкретные предложения. Главное состояло в том, что его осведомленность была не показной, а действительной.

Процесс принятия сталинских решений слагался из двух элементов: во-первых, он предварительно довольно тщательно изучал вопрос; во-вторых, на совещании давал высказаться всем,

¹ Шнейер А. Воспоминания/ Пер. с нем. — Смоленск: Русич, 1997. С. 412.

внимательно слушал, отбирал ценное и важное и поворачивал обсуждение в нужное, единственно правильное русло.

У Гитлера — наоборот. Прежде всего, он отказывался изучать обстановку. Он ее игнорировал, демонстрировал поразительное незнание истинного положения вещей. Гитлер не только не знает и не желает знать реальную обстановку, он не только как страус австралийский прячет голову в песок от грозной опасности, но еще и запрещает подчиненным вникать в обстановку и ее изучать. Гитлер принимал решения не на основе изучения и оценки ситуации, а просто так, не тратя времени на размышления. Разница: Сталин принимал решения в узком кругу, Гитлер — в толпе. Своим собеседникам Гитлер обычно не давал даже слова сказать и удачно избегал обсуждения спорных вопросов. Естественно, что решения Гитлера были самоубийственными. Не обладая даром слушать, Гитлер не мог знать обстановки, не мог ее понимать, поэтому просто не мог принимать адекватных решений. Работа руководителя любого уровня заключается прежде всего в том, чтобы обстановку узнать, решение принимать не спонтанно... Гитлер не только не знал и не желал знать реальную обстановку, но и решение принимал по наитию. Гитлер еще до совещания сам принимал все решения, без учета критических замечаний и конкретных предложений компетентных военачальников, специалистов той или другой отрасли.

А вот совещание у Сталина. Никаких протоколов и стенограмм, приглашаются только те, чье присутствие на данном совещании жизненно необходимо. Сталин своего мнения не высказывает, ждет и требует, чтобы высказались все приглашенные. Сталин говорит меньше всех. Докладывает тот, кто потом будет отвечать (в прямом смысле — головой) за выполнение принятых решений. «Иногда Сталин прерывал доклад неожиданным вопросом, обращенным к кому-либо из присутствующих: “А что вы думаете по этому поводу?” или “А как вы относитесь к такому предложению?” Причем характерный акцент делался именно на слове “вы”. Сталин смотрел на того, кого спрашивал, пристально и требовательно, иногда не торопил с ответом. Вместе с тем все

знали, что чересчур медлить нельзя. Отвечать же нужно не только по существу, но и однозначно. Сталин уловок и дипломатических хитростей не терпел. Да и за самим вопросом всегда стояло нечто большее, чем простое ожидание того или иного ответа»¹.

О выполнении своих приказов Сталин узнавал немедленно. «Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И.В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных Сил, вплоть до директоров заводов и командиров дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовывать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное»². За невыполнение сталинских приказов виновным шили шпионаж в пользу кого угодно и беспощадно истребляли. И несмотря на все преимущества Сталина перед ограниченным в мышлении зарвавшимся фюрером, кровожадным, наглым авантюристом, Гитлер сумел перехитрить, казалось бы, опытного, целеустремленного диктатора Сталина.

¹ Устинов Д. Ф. Во имя победы. — М.: Воениздат, 1988. С. 91.

² Там же. С. 92

КАК СОВЕТСКОЕ РУКОВОДСТВО ГОТОВИЛО КРАСНУЮ АРМИЮ К ОТПОРУ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

Анализируя причины огромных потерь, которые несла Красная Армия на пути к победе, мы отмечаем низкий уровень высшего советского военного руководства, особенно характерный для начального периода войны.

Официальная советская историография после XX съезда КПСС объясняла это тем, что к началу войны руководство армии было существенно обескровлено массовыми репрессиями 1937–1941 гг., начало которым положил судебный процесс над маршалом М.Н.Тухачевским и семью высшими военачальниками.

Чем был спровоцирован этот процесс? Действительно ли существовал заговор военных?

О расправе Сталина над М.Н. Тухачевским и другими крупными военачальниками Красной Армии написано уже изрядно. Казалось бы, все тут ясно, никаких белых пятен. Но мифы не обошли стороной и эту трагическую страницу советской истории. Один из них и поныне гуляет по многим печатным изданиям. Дескать, маршала и его товарищей по несчастью сгубила «красная папка» — подметное досье, изготовленное гитлеровской службой безопасности. Через президента Чехословакии Э. Бенеша, поддерживавшего доверительные отношения с советским руководством, оно попало к Сталину. Из досье явствовало: «Тухачевский со своими сообщниками плетет заговор против ру-

ководства СССР, тесно сотрудничает с германским генеральным штабом. Пылая праведным гневом, Сталин приказал арестовать заговорщиков».

В Советском Союзе эта версия получила хождение со слов Н.С. Хрущева в 1961 г. на XXII съезде КПСС.

Однако на судилище над Тухачевским и его товарищами «красная папка» не фигурировала. Не найдена она ни в советских архивах, ни в архивах немецких. Да так ли уж нужна была эта пресловутая «папка» Сталину? К 1937-му он в развязанных им репрессиях вполне обходился безо всяких «вещдоков». Другой вопрос: почему понадобилась ему расправа не только над Тухачевским, но и над десятками тысяч командиров, политработников, военных преподавателей и ученых? Ведь эти люди верой и правдой служили «великому вождю».

НЕКОТОРЫЕ МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ

Эти факты, что называется, по лоскуткам собрал военный историк Юрий Геллер, написавший в соавторстве с Виталием Рапопортом книгу «Измена Родине», в которой рассказано, как была обезглавлена Красная Армия. Книга вышла впервые на английском языке в 1985 г. В 1996 г. она была издана в Москве.

Опытный интриган Сталин свои злодейские планы тщательно маскировал, усыпляя бдительность будущих жертв. В НКВД уже вовсю шла «разработка» Тухачевского, а 9 апреля 1936 г. он был назначен первым заместителем наркома обороны и начальником вновь созданного Управления боевой подготовки РККА. 26 декабря 1936 г. состоялось Всесоюзное совещание жен командного и начальственного состава РККА. Сталин сидел в президиуме рядом с женой командующего Киевским военным округом, командарма 1-го ранга И.Э. Якира, Сарой Лазаревой. Переговариваясь с ней, многозначительно заметил:

— Берегите командарма. Это очень ценный для нас человек. Естественно, эти слова она передала мужу.

А волна арестов в армии нарастала. Встревоженный начальник Первого управления Генштаба РККА, ведавший кадрами, комкор Б.М. Фельдман доверительно сказал своим друзьям М. Тухачевскому и И. Якиру о своих подозрениях. Но никакой реакции не последовало, они считали, что аресты в армии — это какая-то темная игра наркома НКВД Ежова.

В сообщники «изменника Тухачевского» Сталин отобрал командармов 1-го ранга И.П. Уборевича, И.Э. Якира, командарма 2-го ранга А.И. Корка, комкоров Р.П. Эйдемана, Б.М. Фельдмана, В.М. Примакова, В.К. Путну. Все они были не только крупными военачальниками, но и новаторами в военном строительстве, оперативном искусстве.

Обратим внимание на дату. В ночь на первое июля 1937 г. был арестован последний будущий подсудимый Якир и следователи-костоломы еще не закончили свою работу по выбиванию «признаний». А уже утром всё того же первого июля, то есть до окончания следствия и тем более до суда, собрался Военный совет при Наркомате обороны с участием более ста крупных военачальников. Нарком Ворошилов сделал сенсационное сообщение о «заговоре».

Совет заседал четыре дня, второго июля на нем появился Сталин. Как и Ворошилов, он не привел ни одного сколько-нибудь убедительного доказательства виновности арестованных, напирая лишь на то, что они были «завербованы немецкой разведкой» и «во всем сознались».

Среди участников Военного совета было немало боевых сподвижников Тухачевского, Якира, Уборевича, Примакова и остальных арестованных. Они-то не понаслышке, а по годам совместной службы и на войне, и после войны знали об их преданности советской власти. Тут если уж не потребовать встречи с арестованными, то хотя бы усомниться. «Военно-фашистский заговор»... Зачем? Зачем маршалу Тухачевскому, первому заместителю наркома обороны, идти в услужение к немецким фашистам? Какой более высокий пост они могли ему посулить? А командарм 1-го ранга Якир, командующий одним из крупнейших округов страны? Ему ли,

еврею, добровольно отдать себя в руки отъявленных юдофобов? Да кого ни возьми из арестованных — все они занимали высокие посты в армии, пользовались огромным авторитетом.

Но ведь смолчали! Только один — командующий войсками Харьковского военного округа Иван Наумович Дубовой — бросил в лицо Сталину:

— Не верю. Надо еще разобраться, в чем виноват Якир.

При выходе после заседания Дубовой был арестован. Для суда над Тухачевским и его товарищами было создано Специальное судебное присутствие Верховного суда Союза ССР.

Восемь подсудимых, восемь и судей: маршалы В.К. Блюхер, С.М. Буденный, командармы 1-го ранга И.П. Белов, Б.М. Шапошников, командармы 2-го ранга П.Е. Дыбенко, Н.Д. Каширин, Я.И. Алкснис, комдив Е.И. Горячев. Председательствовал штатный инквизитор армвоенюрист 1-го ранга В.В. Ульрих. И здесь был расчет Сталина: пусть военных судят военные. Армия сама справится с изменой. «Простому народу», разумеется, не дано было знать, что до суда приговор определил лично Сталин: расстрел. А потому вместо суда было именно судилище. Без защиты, без каких-либо вещественных или документальных доказательств, без возможности обжаловать приговор. Все обвинения зиждились лишь на признательных показаниях, выбитых изуверскими пытками.

В книге «Измена Родине» есть фото: Тухачевский и двое других подсудимых, попавших в кадр, — в зале (комнате) судебного заседания. Страшные после истязаний лица. У левого виска Тухачевского отчетливо видно темное пятно. Спустя много лет на протоколах допросов обнаружены следы крови. На «процессе» жертвы произвола отвергли нелепые обвинения, лишённые всякой доказательной базы. Но едва начинали доказывать свою невиновность, Ульрих их обрывал:

— Вы не читайте нам лекции, а давайте показания.

В конце судебного заседания не выдержал Якир. Обращаясь к судьям, закричал:

— В глаза мне посмотрите, в глаза! Неужели не видите: всё, что здесь говорится про нас, — ложь?!

Его порыв пригасил Примаков:

— Брось, Иона! Перед кем бисер мечешь? Или ты не понимаешь, кто тут сидит?

Судебное заседание длилось всего лишь четыре часа. По тридцать минут на каждого обвиняемого!

Через несколько часов все были расстреляны.

Такие подробности Юрию Геллеру стали известны от комдива М.Ф. Лукина и сотрудника Генштаба В.С. Голушкевича, которые присутствовали на процессе.

ПОЧЕМУ СТАЛИН ПОШЕЛ НА МАССОВЫЕ РЕПРЕССИИ В АРМИИ?

К середине тридцатых годов XX века культ Сталина достиг в СССР гигантских размеров, и все или почти все крупные военачальники не упускали случая продемонстрировать свою преданность генсеку. В 1934 г., выступая на XVII съезде партии, Тухачевский тоже не поскупился на дифирамбы в адрес «великого вождя». Но вся эта верноподданность практически не повлияла на разгул кровавой вакханалии, развязанной Сталиным.

Диктатор убирал соперников и тех, кто в той или иной степени был ему не угоден, избавлялся от людей ярких, самостоятельно мыслящих. Ему нужны были покорные исполнители, люди-винтики, нужен был тотальный страх, на котором держалась его власть.

Созданная по всей стране и в армии атмосфера всеобщего доносительства приводила к тому, что людей сажали и расстреливали просто так.

ПОЧЕМУ ОНИ МОЛЧАЛИ?

Часто задают вопросы, почему военачальники, имея реальную силу, не восстали? Ответ может быть один. Тоталитарный режим растлевал и тех, кто в боях не раз проявлял личную храб-

рость. Ревностно служа несправедливой власти, военачальники изначально попирали извечные нравственные ценности.

Не составил исключения и Тухачевский. Обладая недюжинным интеллектом, он не мог не задуматься, почему восстали кронштадтские моряки, недавние активные участники Октябрьского переворота, и тамбовские крестьяне? Или не понимал, что продрозверстка в деревне — форменный государственный грабеж? Конечно же понимал и ради карьеры делал все, что ему велели Ленин и партия, в которую он вступил в 1918-м. При новой власти рассчитывал сделать быструю карьеру.

Поправ честь русского офицера, интеллектуал Тухачевский не погнушался ролью карателя. С жестокостью опричника подавлял восстание в Кронштадте, издавал людоедские приказы, согласно которым крестьян на Тамбовщине (граждан своей страны!) травили газом, сжигали деревни, расстреливали заложников...

Когда в 1930-м начались аресты «военспецов», ни за одного из них член Реввоенсовета Тухачевский не вступился, хотя многих хорошо знал.

Так вели себя и участники Военного совета, из состава которого Сталин подобрал судей для скорой расправы.

Несчастные! Они еще не знали, что своей беспринципностью, предательством боевых друзей подписали и себе смертный приговор.

Почти все участники того Военного совета были расстреляны.

К 1920 г. в Красной Армии на высших командных должностях, которые по сегодняшней терминологии можно назвать генеральскими, было более 200 евреев. Достичь высокого воинского звания, особенно еврей, как и во все времена, было не просто. Для того чтобы достичь генеральской карьеры, нужно было быть физически крепким и сообразительным солдатом, пройти сложную процедуру аттестации, проявить мужество в бою, высокие показатели в учении. Представление к очередному званию обязательно сопровождалось военно-политической

характеристикой, которую необходимо было заслужить безупречной службой. В положительной характеристике обязательными были такие тезисы: «...грамотный командир... пользуется уважением подчиненных... скромен в быту... делу Ленина — Сталина беззаветно предан». В личном деле каждого офицера и генерала можно обнаружить десяток подобных характеристик. Они составлялись и при представлении к наградам.

Написание упомянутых документов осуществлялось штабными работниками, в большинстве случаев неевреями, что позволяет оценивать их весьма объективно.

Сведения о советском генералитете, в том числе и еврейском, всегда были конфиденциальными. Авторам, которые пытались по косвенным данным сделать какие-то обобщения и опубликовать их, инкриминировали разглашение военной тайны.

Армейский военный юрист Ульрих оправдал доверие и орден Ленина, полученный в августе 1937 г. «За успешную работу по укреплению революционной законности и охраны интересов государства». Военная коллегия Верховного суда СССР под его руководством только за 28 и 29 июля 1938 г. приговорила к расстрелу восемьдесят два человека — государственных, партийных и военных деятелей.

Оказалось, что у главы советского правительства Молотова «врагами народа» были его заместители Н.А. Антипов, В.И. Межлаук и Я.Э. Фудзутак, а у первого маршала, наркома обороны Ворошилова — заместители Я.И. Алекснис, В.М. Орлов, начальник разведки Я.К. Берзин.

По армии и флоту был нанесен удар сокрушительнее, чем расстрел «группы Тухачевского» в июне 1937 г.: из восьмидесяти двух осужденных тридцать два принадлежали к высшему командному составу. Среди трагически погибших — тридцать пять русских, двадцать три еврея, тринадцать латышей, четыре поляка, три украинца, два армянина, грузин, литовец, серб и швед.

Известно, что было репрессировано 408 человек руководящего и начальствующего состава РККА и ВМФ, к высшей мере

наказания приговорен 401 человек¹, евреев среди них было 180 человек. В книге профессора Ф.Д. Свердлова «Евреи-генералы Вооруженных сил СССР. Краткие биографии» они названы поименно. Следовательно, все евреи, входившие в состав руководящего и начальствующего состава армии и флота, за исключением нескольких, таких как Мехлис, были расстреляны.

Но вот грянула война. Армия и флот оказались в катастрофическом положении, в особенности в кадровом вопросе. Почему? На этот вопрос ответил Ворошилов на заседании Военного совета при Наркомате обороны СССР 29 ноября 1938 г. «Вы знаете, что собой представляла чистка рядов РККА, — говорил он. — Чистка была радикальная и всесторонняя... с самых верхов и кончая низами... мы вычистили более четырех десятков тысяч человек». Затем следовал совершенно параноидальный вывод: «Именно потому, что мы так безжалостно расправились, мы можем теперь с уверенностью сказать, что наши ряды крепки»².

Но война оценила состояние армии по-другому, и за три коротких, невиданно трагических месяца докатилась до Москвы. Теперь война диктовала свои условия — срочно создавался новый генералитет армии. И здесь повторилось то, что неоднократно происходило в ходе двухтысячелетней истории еврейства в изгнании: советской власти понадобились умы и таланты, героизм и духовный потенциал евреев. В составе генералитета, созданного в критических условиях войны, шестнадцать генералов-евреев стали Героями Советского Союза, 276 офицеров стали генералами в ходе Великой Отечественной войны. За особые заслуги после войны семидесяти полковникам было присвоено это звание.

7 мая 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной Армии устанавливались звания: генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-полковник и генерал армии. Прежние высшие звания: комбриг, комдив, комкор и командарм — были

¹ Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. — М., 1991. С. 301.

² Там же.

упразднены, для Военно-воздушных сил вводились звания генерал-майор авиации, генерал-лейтенант авиации и генерал-полковник авиации (кроме генерала армии). Генеральские звания вводились и для других родов войск: артиллерии, танковых войск, войск связи, инженерных войск, технических войск, интендантской службы, береговой службы, например генерал-майор артиллерии, генерал-лейтенант артиллерии и т. д. В военно-морском флоте устанавливались воинские звания: контр-адмирал, вице-адмирал, адмирал флота Советского Союза (упразднено 3 марта 1955 г., восстановлено 28 апреля 1962 г.). В июне 1940 г. новое звание получили 1056 человек, из них 982 стали генералами и 74 адмиралами.

Когда фашистские дивизии в полной боевой готовности стояли, ожидая команды фюрера о нападении на Советский Союз, в Кремле вспомнили, что еще не все опытные военачальники расстреляны. «В 1940–1941 гг. в строй вернулись А.В. Горбатов, К.Н. Галицкий, Л.Г. Петровский, К.К. Рокоссовский — всего свыше пятидесяти лиц высшего начальствующего состава, невинно осужденных»¹.

Всего в период Великой Отечественной войны в советских Вооруженных силах проходили службу около четырех с половиной тысяч генералов и адмиралов. В 1941–1945 гг. потери советского генералитета составили 440 человек. В немецкий плен в силу разных обстоятельств попало семьдесят два генерала. Красная Армия за годы Великой Отечественной войны захватила в плен 550 немецких генералов, в том числе генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса.

А теперь вернемся к годам самоуверенной сталинской диктатуры. Готовилась ли страна к действенному отпору фашистам?

Так, известный американский политолог Зб. Бжезинский в своем исследовании о развитии советского общества пишет: «При Сталине возвышение роли государства и использование

¹ *Сталин И.В.* Энциклопедия. — М.: Алгоритм, 2007. С. 110.

государственного насилия как орудия реконструкции общества достигли своего апогея. Все было подчинено личности диктатора и государству, которое он возглавлял. Превозносимый поэтами, воспетый композиторами, обожествленный посредством тысяч монументов, Сталин был единовластным хозяином страны. Тиран, равных которому было немного в истории человечества, он, однако, свое правление осуществлял посредством сложной структуры государственной власти, чрезвычайно бюрократизированной и институционализированной. Пока во имя сталинской цели построения социализма в одной стране общество перепаживали сверху донизу, укрепляя статус государственного аппарата, росли его мощь и привилегии»¹. Добавим к этому, что одновременно росло и неограниченное влияние Сталина не только на определение внешнеполитических целей Советского Союза, но и на проведение конкретных акций советской внешней политики после прихода Гитлера к власти, стремительного роста германской военной машины и появления нацистских планов экспансии на Восток. Перед серьезной угрозой необходимо было думать и решать проблемы укрепления обороноспособности Красной Армии, ее оснащение новейшей военной техникой, отбросить устаревшие догмы о том, что в будущей войне основой обороноспособности армии будут не моторы танков, самолетов, самоходных орудий, а конница и тачанки. Создавалась разветвленная связь технического шпионажа, в первую очередь в области новейших технологий и конструкций в самолетостроении, танкостроении, артиллерии, противовоздушной обороне, ракетостроении. Каждая из противоборствующих сторон хотела знать, какие новые виды вооружения поступают на вооружение армии, кто из конструкторов лидирует в создании новых видов оружия. Эта задача, как с одной, так и с другой стороны, была довольно сложной... Технический шпионаж со стороны противоборст-

¹ *Brzesinski Zb. The Grand Failure. The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century.* — N. Y., 1989. P. 31.

вующих государств процветал. Не дремала и советская разведка.

Нелюбовь Сталина к евреям заставила диктатора забыть о национальностях вообще, обстоятельства требовали сплочения и высокой напряженности, чтобы осилить могущественного врага, который на своем кровавом пути не знал преград и ради поставленной цели шел на все...

«Учитель» Г.М. Штерна, К.Е. Ворошилов, предал своего ученика. В тяжелые дни боев под Москвой, осенью 1941 г., тот был необоснованно арестован и расстрелян. Под приговором о расстреле есть и подпись Ворошилова, которому Г.М. Штерн служил верой и правдой. В том числе и непосредственно в Наркомате обороны. Впоследствии он был реабилитирован.

Когда Яков Владимирович Смушкевич вернулся с Дальнего Востока, ноги у него кровоточили, но он был счастлив: задание Родины выполнил. Его военное искусство, самоотверженность были отмечены. Вместе с тремя своими питомцами — летчиками, участвовавшими в боях в Испании и на Халхин-Голе, он впервые в стране был награжден второй Золотой звездой Героя Советского Союза. Ему присвоили звание генерал-лейтенанта авиации, назначили начальником ВВС.

На правительственном приеме в честь Первого мая в 1941 г. в Кремле Сталин шел мимо столов, за которыми сидели наркомы и военачальники, Герои Советского Союза и народные артисты, писатели и дипломаты, стахановцы... Он свернул к столу, за которым сидели вместе с женами нарком авиационной промышленности Шахурин и помощник начальника Генерального штаба РККА по авиации Смушкевич. Чета Шахуриных и супруга Смушкевича встали. Бася Соломоновна передала мужу массивную палку.

— Сиди, сиди, — сказал Сталин. — Все правительство может стоять, а ты сиди! Заслужил.

Он посмотрел на свет сквозь искрящееся вино в хрустальном бокале и произнес тост за славную авиацию, за ее героев.

А потом, когда до начала Великой Отечественной войны оставалось всего пятнадцать дней, Смущкевича арестовали, на носилках увезли из госпиталя. О том, что началась война, Смущкевич узнал на тюремных нарах¹.

...И грянул год 1938-й, нависла угроза на Дальнем Востоке, куда рвались японские самураи. Для координации боевых действий на суше направляется чудом уцелевший от расстрела комкор Григорий Михайлович Штерн, а для укрощения японской авиации, которая господствовала в воздухе, в срочном порядке отправляется эскадрилья под командованием Героя Советского Союза, начальника ВВС — Якова Владимировича Смущкевича. Григорий Штерн и Яков Смущкевич прошли суровую школу испытаний на полях и в воздухе сражений в Испании, они воочию ощутили на себе оскал фашизма и одновременно приобрели опыт борьбы с заклятыми врагами. За блестящее выполнение боевого задания по разгрому японских самураев Я. Смущкевич был награжден второй Золотой звездой Героя, удостоен звания Героя Советского Союза комкор Григорий Михайлович Штерн. В конце августа 2009 г. в Монголии отмечалось семидесятилетие разгрома японских самураев на Халхин-Голе. На торжествах по случаю юбилея в столицу Монголии прилетел президент России Дмитрий Медведев, который принял участие в торжествах, были возложены венки к монументу Г.К. Жукова. Почему же так

¹ Когда немцы подошли к Москве, Центральный аппарат решили перебазируовать в Куйбышев. Туда же отправили и особо важных подследственных, еще не осужденных. Вслед за ними прибыло и письмо Берии, предписывающее по делу заключенных следствие прекратить, суду их не предавать и немедленно расстрелять.

Акт. — Куйбышев, 1941 г. октября 28 дня: «Мы, нижеподписавшиеся, согласно предписанию Народного комиссара внутренних дел СССР, Генерального комиссара государственной безопасности тов. Берии Л.П. от 18 октября 1941 г. за № 2756/б, привели в исполнение приговор о ВМН (высшая мера наказания. — *Я.П.*) — расстрел в отношении следующих двадцати человек осужденных: Штерн Григорий Михайлович, Локтионов Александр Дмитриевич, Смущкевич Яков Владимирович, Савченко Григорий Кузьмич... Подписи».

сложилось, что имена подлинных творцов той победы почти неизвестны потомкам?

Ведь план операции по разгрому 6-й японской армии был разработан в штабе Забайкальского фронта и утвержден командующим его войсками командармом 2-го ранга Г. Штерном, который вполне активно руководил их действиями. Да и не мог ведь Жуков, командующий 1-й армейской группой, управлять операциями воздушной армии, которую возглавлял комкор Яков Смушкевич, и монгольскими конниками Чойбалсана!

Для общего руководства боевыми действиями было создано Управление Забайкальского фронта, куда вошли советские и монгольские соединения. Командующим Забайкальским фронтом был назначен командарм 2-го ранга Григорий Штерн. Разгром японских войск завершился к 30 августа 1939 г. Славу победителей по праву разделили все основные военачальники. Звания Героев Советского Союза удостоили Штерна и Жукова, вторую Золотую звезду получил Смушкевич, чьи летчики завоевали абсолютное господство в воздухе и обеспечили свободу действий наземным войскам.

Но почему на протяжении многих десятилетий название Халхин-Гол вызывает в памяти россиян лишь имя Георгия Жукова как полководца, чуть ли не единолично разгромившего орды японцев. Историческая победа, пусть семидесятилетней давности, требует объективности, и на это есть все необходимые документальные подтверждения...

По воспоминаниям современников, Яков Смушкевич во время докладов Сталину всегда отстаивал аргументировано свою точку зрения, что позволяли себе только единицы. Он не скрывал от Сталина своего отрицательного отношения к советско-германскому пакту о ненападении 1939 г.

Штерн был участником Гражданской войны, боев в Испании, на озере Хасан и на реке Халхин-Гол, советско-финской войны и первого периода Великой Отечественной войны. Газета «Красная звезда» 30 августа 1939 г. писала: «В списке Героев Советского

Союза заслуженно красуется имя Г.М. Штерна. Выдающийся военачальник, талантливый ученик товарища Ворошилова, руководитель многих боев, он является образцом мужественного большевика, боевого руководителя войск.

Черное крыло репрессий не обошло руководителей и конструкторов целого ряда оборонных промышленных предприятий. Геноцид руководителей и специалистов задержал развитие новой военной техники, производство новых видов вооружения, создание мощного оборонного комплекса, необходимого для армии. Среди жертв этой особенно важной отрасли было много талантливых изобретателей, конструкторов-евреев. О них необходимо хотя бы вкратце рассказать.

Развитие тракторной, танковой и автомобильной промышленности в довоенные годы связано с именем Александра Давидовича Брускина. Трудовую деятельность он начал слесарем. После окончания в 1922 г. Технологического института он работал на Харьковском тракторном заводе инженером, руководителем различных заводских служб и был назначен директором этого завода. С 1934 г. — директор Челябинского тракторного завода. С его приходом на Челябинский завод здесь резко возросла производительность труда, себестоимость продукции по сравнению с 1933 г. снизилась вдвое. За успешное завершение строительства, пуск и выход завода на проектную мощность А.Д. Брускина наградили орденом Ленина и через год назначили заместителем наркома тяжелой промышленности. Выступая на XVII партсъезде в 1934 г., С. Орджоникидзе сказал о нем: «...кадры хотят работать, но мы не умеем их организовать. А вот Брускины могут, умеют организовать, и они это сделают». Те, кто работал вместе с Брускиным, вспоминали, что он безошибочно разбирался в людях, ценил их деловые качества, никогда никого не оскорблял, не унижал человеческое достоинство подчиненных и более всего поощрял в специалисте знания, инициативу.

С именем Брускина связано также начало освоения и производства ряда перспективных танковых моделей: будущих

СМК, КВ, А-34 (прототип Т-34), работа над дизельным двигателем для танков¹.

Среди талантов, безвинно истерзанных и расстрелянных, кроме А.Д. Брускина, были: М.Л. Рухимович, А.П. Розенгольц, С.И. Уншлихт, нарком и заместитель наркома финансов Г.Я. Сокольников и Г.С. Фрумкин, сделавшие советский рубль конвертируемым; управляющий Нефтесиндикатом З.Н. Доссер; первый начальник Военно-строительного управления Красной Армии, затем первый директор Криворожского метзавода Я.И. Весник; председатель Госбанка СССР М.И. Калманович; заместитель председателя Госбанка СССР Г.С. Фридлянд; заместитель наркома путей сообщения Я.А. Лившиц, руководитель станкоинструментальной отрасли в системе Наркомтяжмаша Ч.М. Альперов; исчез нарком среднего машиностроения А.Д. Брускин (исчез не только нарком, но и его личное дело из архива, где хранятся дела его коллег и заместителей); начальник Главрезины Башкер; председатель «Амторга», закупавшего оборудование для новых заводов, Д.Д. Розов.

По сфабрикованным обвинениям НКВД расстреляли многих руководителей оборонных предприятий. Энтузиасты установили фамилии 441 человека, похороненных в общей могиле № 1 кладбища Донского крематория в Москве в 1930–1942 гг. Жертвами стали многие директора авиационных заводов. Среди них директор крупнейшего завода № 23 и одновременно начальник Глававиапрома Семен Леонтьевич Маргалин, один из первых руководителей Иркутского авиазавода Абрам Григорьевич Горелец. Он руководил реконструкцией завода, освоением выпуска самолетов СБ (конструкции А.Н. Туполева). Эти самолеты воевали в Испании, и испанцы их любовно называли «Катюшами». Его арестовали в 1938 г. «за компанию» с Туполевым и другими: арестовали директора Московского авиадвигательного завода Израила Эммануиловича Марьямова; руководителя Воронежского авиазавода — грузинского еврея С. Шабашвили;

¹ Летопись Челябинского тракторного. 1928–1945. — М.: Профиздат, 1972.

Пермского моторного завода Побережского; технического директора авиационного завода № 22 Дайбаха. За несколько лет до этого Дайбах и главный инженер завода Фельдман за освоение новых моделей самолетов, в том числе ТБ-3, были премированы наркомом Орджоникидзе автомобилями «Бенц». Расстреляли парторга авиамоторного завода и одного из руководителей ЦАГИ Бабушкина.

Репрессии коснулись не только руководителей наркоматов, административных и партийных работников. Под предлогом борьбы с «вредителями» подверглись репрессиям инженерно-технические работники. Арестовали талантливого конструктора подводных лодок Кассациера. Погиб талантливый конструктор авиационного вооружения начальник КБ-16 Таубин, незадолго до этого награжденный орденом Ленина. В тюрьме оказались начальник аэродинамического отдела ЦАГИ А.Э. Стерлин, С.Я. Файнштейн — один из крупнейших химиков страны, М.П. Бронштейн, чьи работы в области химии не потеряли своей актуальности в современной науке (арестовали в 1938 г., расстреляли в 1939 г.), главный конструктор минно-торпедного вооружения, автор ряда учебников по данной тематике Юлий Юльевич Кимбар, главный конструктор головного завода по этому вооружению Михаил Натанович Борисов.

Репрессиям подверглись многие из тех военных деятелей, кто по долгу службы имел непосредственное отношение к оснащению армии и флота новым вооружением, к подготовке кадров военных инженеров. В их числе было немало евреев: погиб начальник Военно-инженерного управления Красной Армии Я.Д. Аскольдов; начальник Научно-исследовательского института Военно-морских сил Н.М. Хайт; заместитель председателя Артиллерийского комитета и начальник Научно-технического отдела Главного артиллерийского управления Красной Армии, бригадный инженер Я.М. Железняков; начальник Управления вооружения военно-морских сил И.Б. Розгон; член Военного совета авиации особого назначения И.М. Гринберг; начальник Управления высших учебных заведений Красной Армии И.Е. Славин; начальник Военно-

хозяйственной академии А.Л. Шифрес; начальник Военной академии химзащиты Я.Л. Авиновецкий. Длительному сроку заключения был подвергнут начальник химического управления Красной Армии корпусной инженер Я.М. Фишман и др.

Не избежал печальной участи Тимофей Маркович Геллер, один из ведущих советских технологов-машиностроителей¹. В 1934 г. правительство наградило его орденом Ленина «за быструю и успешную постановку производства, освободившую Советский Союз от импорта (автомобильных) колес». По просьбе наркома Орджоникидзе он оказывал помощь авиастроителям в организации технологических процессов в производстве надежных колес для самолетов.

Драматизм заключался в том, что, создав отличные образцы вооружения, танковых моделей и авиационной техники, оборонный комплекс не мог их произвести в нужном количестве к началу войны. МиГ-3 был принят на вооружение и полетел в апреле 1940 г. Самолет участвовал в военном параде в Тушине в том же году. Летом 1941 г. принимается на вооружение самолет Пс-2, позже ТУ-2. ИЛ-2 впервые вылетел в 1939 г., в серию пошел в 1940 г. Однако массовое производство (кстати, самого массового самолета) развернулось только в годы войны. Танк КВ конструкторы и производственники изготовили в 1939 г., правительственная комиссия приняла эту модель 15 марта 1941 г., тогда же приняли на вооружение танк Т-34. Реактивная установка («Катюша») была принята на вооружение в феврале 1941 г. Аналогичная ситуация сложилась с некоторыми другими образцами боевой техники и боеприпасов. Например, подкалиберные бронебойные боеприпасы, прожигавшие броню в два-три раза толще собственного калибра, ученые разработали в 1938 г., появились они в армии только во время войны. Выпуск противотанковых ружей (ПТР), минометов (конструкции Шавырина) также начался после июня 1941 г. Даже совершенствование автомобиля ГАЗ-АА

¹ Т.М. Геллер был освобожден из заключения во время войны и работал начальником производства авиационного завода.

(ГАЗ-ММ — «полуторка») затянулось с 1937 до 1941 г. В 1938–1939 гг. на машину устанавливали старый двигатель ГАЗ.

Но больше всего пострадала авиационная промышленность. По мнению А.А. Кербера, из Наркомата авиапромышленности репрессировали 280–300 человек. Главному конструктору А.Н. Туполеву, находившемуся в тюрьме, предложили назвать тех, кого он хотел бы получить в свой конструкторский коллектив. Кербер вспоминает, что А.Н. Туполев задумался, так как его положительное мнение об авиационном специалисте могло оказаться для этого специалиста роковым. И тогда он назвал всех. Оказалось, что эти люди в тюрьмах, лагерях, многие из них от истощения, цинги, желудочных заболеваний, эпидемий были на грани смерти.

Туполев спас жизнь сотням специалистов высшего класса, в том числе главному конструктору космических кораблей С.П. Королеву. «Не многие страны могли бы выдержать такое», — писал А.А. Кербер¹.

За несколько недель до начала войны арестовали и поместили в одиночную камеру тюрьмы НКВД Б.Л. Ванникова. Менее чем через месяц после нападения Германии на СССР в тюрьму было передано указание Сталина — Ванникову, письменно изложить свои соображения относительно мер по развитию производства вооружения в условиях начавшейся войны. Не располагая информацией о ходе боевых действий, о наличии вооружения, о техническом оснащении немецкой армии и другими исходными сведениями, необходимыми для анализа, бывший нарком изложил в аргументированной записке свои соображения. Вскоре из тюремной камеры Б. Ванникова доставили в Кремль к Сталину. Борис Львович вспоминает: «...записка, над которой я работал несколько дней, была передана Сталину. Я увидел ее у него в руках, когда меня привели к нему прямо из тюрьмы. Многие места оказались подчеркнутыми красным карандашом, и это показало мне, что записка внимательно прочитана. В присутствии В.М. Молотова и Г.М. Ма-

¹ Кербер А.А. А дело шло к войне // Изобретатель и рационализатор. 1988, № 3. С. 41.

ленкова Сталин сказал мне: “Ваша записка — прекрасный документ для работы наркома вооружения. Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали”»¹.

Б.Л. Ванников был представителем нового поколения технократов, сформировавшегося в послереволюционные годы. Его деятельность как администратора, одного из талантливейших и блестящих руководителей, создателей советского военно-промышленного комплекса подразделяется на три периода: руководство ведомством по разработке и промышленному производству вооружений, руководство Наркоматом боеприпасов в годы войны и, наконец, глава ведомства по созданию атомного оружия и перевооружения армии на этой основе. Даже такие талантливые самородки, как Борис Ванников, находились в неослабном поле зрения кремлевского тирана, но одновременно он сознавал, что без таких талантов, особенно в самый критический период для страны, ему не обойтись, и только это спасло его от гильотины. Ванникову армия и страна во многом обязаны успехами в производстве артиллерийского и стрелкового вооружения. В предвоенные годы нарком сумел, преодолевая бюрократические трудности, разработать и осуществить стратегию перевооружения этой отрасли, создать надежную базу, организовать разработку и производство новых типов вооружения.

Существовала система планового уничтожения кадров. Если «врагом народа» объявлялся руководитель высокого ранга, то все, кому он покровительствовал, кого продвигал по службе, с кем был дружен, автоматически становились «врагами народа». И наоборот, покровитель пользовался доверием тирана — в безопасности были и его протезе...

Конечно, определенную роль в многолетнем удержании в своих руках нитей политического руководства страной сыграли личные качества Сталина: хитрость и коварство, жестокость и

¹ Ванников Б.Л. Записки наркома // Изобретатель и рационализатор. 1988, № 1. С. 37.

мстительность по отношению к действительным и мнимым противникам, безграничные честолюбие и властолюбие, умение разбираться в окружающих и использовать их в своих интересах, маниакальная недоверчивость и подозрительность, недюжинные организаторские способности, природный ум и колоссальная работоспособность, умение четко формулировать тактические и стратегические цели политики, доводить принятое решение до конца. «Для него политика, — пишет Д. Волкогонов, — всегда была фаворитом в соотношении с нравственностью. Он презирал жалость, сострадание, милосердие... В политике Сталин не находил места для моральных ценностей»¹.

Был ли проинформирован Сталин о подготовке гитлеровской армии, оснащенной новейшей военной техникой, к решающей схватке — с Советским Союзом? На этот вопрос необходимо ответить утвердительно. Правительство перед Второй мировой войной было проинформировано о новых видах вооружения германской армии, и не только такими мужественными разведчиками, как Маневич Лев Ефимович, и другими. Выполняя поставленную перед ним задачу, он знакомился со многими конструкторами, изобретателями и новыми моделями самолетов, сам котирировался и как хороший пилот, и как грамотный инженер — самолеты были его стихией. Добытая им информация оказывалась в Москве. Шифровки туда шли регулярно. Как знаток своего дела, Маневич ездил в Англию, Францию, Италию, Германию, где заводил необходимые связи. Он, войдя в круг военных бизнесменов, был знаком с каждой новинкой оборонной промышленности стран Европы.

С риском пробравшись в Испанию, где уже шла война, Маневич поселился на территории, занятой фашистскими войсками Франко. Здесь он увидел и германскую технику, поставляемую фашистами — танки, самолеты, артиллерию, — и их

¹ Волкогонов Д. Триумф и трагедия // И.В. Сталин. Политический портрет. Кн. 1. — М., 1989. С. 277.

боевые качества на полях сражений. Свою оценку им Маневич передавал в Москву. О том доверии, которым он пользовался у фашистов, говорит и тот факт, что ему приходилось летать на немецких самолетах на разведку республиканского Мадрида. А его крестный отец — Павел Березин — в это время был военным советником республиканской армии и жил в столице Испании. Разведчики оказались на одних баррикадах, но с разных сторон!

И все-таки они были в одном строю: все новости об эффективности новой техники, применяемой на полях сражений в Испании, качестве боевых самолетов, танков Маневич передавал в Москву. Шифровки шли из Милана, из знаменитого театра «Ла Скала». Чтобы не вызвать подозрений, Маневич посещал почти все спектакли. И всегда с ним была его спутница Ингрид. Она-то и была радисткой. Иногда Маневичу приходилось встречаться с резидентами и передавать их информацию из рук в руки или оставлять в условленном месте.

Однажды один из резидентов попал в полицию, где его спровоцировали сообщить, что документы ему передает Картнер (австриец). Для очередной встречи с Маневичем его выпустили из полиции. Во время передачи документов его арестовали.

Как Маневич ни сопротивлялся и ни отказывался, его обвинили в шпионаже. Это было понятно из переданных документов. Не признавая себя виновным, Маневич не назвал ни своего имени, ни национальности, ни страны, на которую он работал. Этого у него не могли вырвать ни пыткой, ни побоями. По документам он был австрийцем. Поэтому и приговор Особого трибунала по защите фашизма был мягким — двенадцать лет тюремного заключения. И первое место заключения — римская тюрьма «Роджина Челли». А затем началось хождение по тюрьмам. И везде он пользовался уважением заключенных, среди которых было немало политических, ненавидящих Муссолини.

Ему удалось привлечь на свою сторону итальянского антифашиста, сидевшего с ним в одной камере. Друзья с воли передавали ему необходимую информацию, а он сообщал сведения

своей бывшей секретарше — единственной, кому разрешалось посещать Маневича в тюрьме. Секретарша Данина через своих друзей передавала шифровки в Москву.

А теперь представьте, человек, сидящий в тюрьме за шпионаж, передает из тюремной камеры секретную информацию своему руководству в Москву! И самое интересное, шли 1937–1938 гг., годы всеобщей подозрительности и массовых расстрелов, годы, когда выдающихся людей обвиняли в шпионаже и «десять лет без права переписки» были завуалированным смертным приговором. А в Маневиче, находящемся у фашистов, не сомневались.

Маневич сообщал о новостях ночного бомбометания, об осветительных ракетах, о новых системах парашютов, о новой броневой стали для танков, о строящихся военных кораблях и их оснащении техникой, о заказе самолетов для Японии.

Ему верили, его семье помогали материально, а самого даже представили к очередному воинскому званию — «по возвращении на Родину». Случай уникальный в нашей истории. О доблестном и мужественном разведчике Маневиче Льве Ефимовиче, Герое Советского Союза, вспомнили через двадцать лет. А ведь техническая разведка была на надлежащем уровне и те сведения, которые были им добыты, давали правительству четкую картину, с каким противником в ближайшее время придется встретиться. А в стране господствовал террор, уничтожали самых одаренных ученых, конструкторов, изобретателей, не спешили оснащать армию новейшими образцами оружия.

Для того чтобы залатать прорехи в боевой подготовке Красной Армии, вызванные массовыми репрессиями командного состава в 1937–1938 гг., оснастить новой боевой техникой, а как из всего анализа видно, что этому вопросу сталинское руководство не уделяло первоочередного внимания, нужно было время — по крайней мере два-три года. Оно нужно было для осуществления развернувшегося с весны 1940 г. перевода экономики страны на военные рельсы. И вся эта деятельность проходила в замедленном темпе, пришлось даже вспомнить о

репрессированных специалистах, которые находились в ГАЛГ, а ведь накануне войны был разгромлен коллектив института ракетостроения и все его ведущие специалисты, в том числе С.П. Королев, оказались в ГУЛАГ (о чем мы уже поведали читателю). Среди талантливых инженеров, ученых, работавших в авиационной «шарашке», — создатель первого советского вертолета А.М. Изаксон; первого самолета в отечественном авиастроении с убирающимися шасси — И.Г. Неман; специалист по вооружению самолетов С.М. Меерсон; профессор Московского авиационного института (МАИ) Г.С. Френкель.

Одних руководителей, конструкторов, изобретателей новых видов огнестрельного оружия, опытных инженеров арестовывали, другие ждали ареста. Никто не был застрахован от обвинений во «вредительстве», «шпионаже», «троцкизме» и т. п. При сложившихся обстоятельствах в стране, где были созданы отличные образцы вооружения, артиллерии, реактивная установка «Катюша», новые модели танков, авиационной техники, оборонный комплекс страны не мог их воспроизвести в нужном количестве к началу войны. Все просчеты и грубейшие ошибки невозможно было так быстро устранить, торопило время. Несмотря на то что Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР в создавшейся ситуации стремились исправить положение, это сделать в строго ограниченное время было не под силу.

Сталинским руководством и его дипломатией допускались грубейшие просчеты при оценке возможного развития событий на международной арене. Сталин считал, что Гитлер, учитывая исторический опыт, не пойдет на военное столкновение с Советским Союзом при наличии второго фронта с Англией на Западе.

Видимо, не случайно в издательствах Москвы именно в это время были опубликованы «Мысли и воспоминания» Бисмарка, а также книга А. Коленкура о провале похода Наполеона, в надежде, что Адольф Гитлер примет во внимание опыт своих предшественников. Советское правительство было готово на все, лишь бы отсрочить нападение фашистской Германии на

СССР. Поэтому советская дипломатия, демонстрируя лояльность и дружелюбие к фашистской Германии, старательно избегала всего, что могло бы свидетельствовать о нормализации советско-английских отношений.

Сразу после окончания советско-финской войны, 18 марта 1940 г., полпреду СССР в Лондоне И.М. Майскому было заявлено в «Форин офис», что теперь открывается возможность для улучшения англо-советских отношений. Однако позитивной реакции Кремля не последовало. В качестве нового посла Лондон направил в Москву в июне видного деятеля лейбористской партии Великобритании Стаффорда Криппса.

Лишь в начале июля ему удалось встретиться со Сталиным и передать ему личное послание У. Черчилля, в котором излагались предложения английского правительства:

- английское правительство убеждено, что Германия стремится к господству в Европе и хочет поглотить все европейские страны. Это представляет опасность как для Советского Союза, так и для Англии. Поэтому обе страны должны прийти к согласию по поводу проведения общей линии самозащиты от Германии;
- независимо от этого Англия желала бы развивать торговые отношения с СССР при условии, что английские товары не будут перепродаваться Германии.

В английских предложениях подчеркивалась особая роль и заинтересованность Советского Союза на Балканах и в Черноморских проливах.

Вместо того чтобы начать диалог по этим предложениям, которые выражали существенный отход правительства Черчилля от мюнхенской антисоветской политики Чемберлена, Сталин с порога отверг их. Криппсу было заявлено, что он, Сталин, «хорошо знаком с несколькими руководящими государственными деятелями Германии» и «не заметил у них никакого стремления к поглощению европейских государств»¹. Более того, демон-

¹ Правда, 1940, 22 мая.

стрируя свою лояльность Гитлеру, Сталин поспешил через Шуленбурга 13 июля довести текст английских предложений до сведения Берлина. Точка была поставлена 22 мая. В этот день ТАСС опубликовал сообщение, где говорилось, что из-за враждебной позиции английского правительства в отношении СССР удовлетворительное развитие переговоров по торгово-экономическим вопросам невозможно¹.

Можно во многом согласиться с оценкой политики Кремля в тот период, данной впоследствии У. Черчиллем. «Нужно отдать справедливость Сталину, — пишет он. — Он всеми силами старался лояльно и верно сотрудничать с Гитлером... И он, и Молотов исправно посылали свои поздравления с каждой германской победой. Они направляли в Германию бесконечным потоком продовольствие и важнейшее сырье... Они были готовы в любой момент достигнуть мирного урегулирования с нацистской Германией по многим важным нерешенным вопросам... Они были исполнены решимости любыми средствами выиграть время и не намеревались основывать русские интересы и стремления исключительно на победе Германии. Две великие тоталитарные империи, не знающие сдерживающих моментов морального свойства, стояли друг против друга... Сталин все больше стал осознавать угрожающую ему опасность и все больше старался выиграть время. Тем не менее весьма знаменательно, какими преимуществами он жертвовал и на какой риск шел ради того, чтобы сохранить дружественные отношения с нацистской Германией. Еще более удивительными были те просчеты и то неведение, которое он проявил относительно ожидавшей его судьбы»².

Представляется жесткой, но справедливой оценка внешней политики Сталина в тот период, данная в ходе Чичеринских чтений в Дипломатической академии МИД СССР директором Института славяноведения и балканистики АН СССР

¹ Правда, 1940, 22 мая.

² *Churchill W. The Second World War. — L., 1960. Vol. II. P. 812.*

В.К. Волковым: по существу, у СССР не было никакой внешней политики, была лишь линия пассивного выжидания развития событий¹. Опасность этой «политики страуса, прячущего голову в песок», становилась особенно очевидной, если из кабинетов Сталина и Молотова в Кремле перенестись на Запад в ставку Гитлера «Горное гнездо» близ германо-люксембургской границы.

Новая обстановка, сложившаяся в Европе в результате успеха гитлеровского блицкрига на Западе, потребовала от германских политических и военных лидеров новых оценок и стратегических решений. Как свидетельствуют многочисленные данные нацистских архивов и воспоминания очевидцев, они были приняты в период с конца мая до середины июля 1940 г. Коротко говоря, новую стратегическую линию рейха можно сформулировать так: поворот агрессивной политики на Восток, подготовка и развязывание истребительной войны против Советского Союза. При этом предусматривалась временная (на период антисоветской агрессии) нейтрализация Англии военнополитическими средствами. Расчет делался на те круги в правящем лагере Англии, которые под впечатлением военных успехов нацистов были бы не прочь возродить дух Мюнхена в англо-германских отношениях. По существу, гитлеровская дипломатия в новой международной обстановке пыталась повторить свой старый маневр: если в 1939 г. Германия, чтобы обеспечить себе свободу рук на Западе, стремилась нейтрализовать Советский Союз, то сейчас, готовясь к прыжку на Восток, ставилась задача нейтрализовать Англию.

Учитывая осведомленность Москвы о мероприятиях нацистского руководства, антисоветская направленность новой стратегической линии Берлина, как представляется, уже летом 1940 г. не была секретом для советского руководства. Однако, как мы увидим, в Кремле выводы делались в отрыве от реальной действительности, в результате чего советская дипломатия

¹ Вестник МИД СССР, 1990, № 14. С. 65.

либо была обречена на пассивность и бездействовала, либо ее действия носили характер, неадекватный международной обстановке, что усугубляло и без того опасную ситуацию, в которой находилась страна.

Обратимся к фактам.

20 мая 1940 г., когда немецкие танковые колонны выходили к побережью Ла-Манша, Гитлер заявил на оперативном совещании: «Англичане могут немедленно получить сепаратный мир, если отдадут колонии».

21 мая генерал Ф. Гальдер после беседы с представителем Риббентропа при Генеральном штабе сухопутных войск Хассо фон Этцдорфом записывает в своем дневнике: «Мы ищем контакт с Англией на почве раздела мира»¹.

В эти же дни Йодль, выражая позицию Гитлера и его окружения, заявил, что Англия борется теперь не ради победы, а лишь для удержания своих имперских позиций².

Нацистский фельдмаршал Мильх так вспоминал о посещении Гитлером побережья Ла-Манша в последние дни мая: «Фюрер приехал на побережье Франции, посмотрел в бинокль на скалы Дувра и сказал: “Рано или поздно англичане убедятся, что с нами бесполезно воевать и что для нас и для них будет лучше встретиться и договориться об условиях мира... Я буду великодушен, я не хочу уничтожить Британскую империю”. Навязчивой идеей фюрера была Россия. При всяком случае он повторял, что “единственный подлинный враг Европы находится на Востоке”»³.

24 мая Гитлер отдает танковой группе Клейста знаменитый «Стоп-приказ», который позволил группировке англо-французских войск избежать окружения и эвакуироваться в Англию. До сих пор историки спорят, военными или политическими причинами были вызваны эти действия Гитлера. Но несомненно

¹ *Haider F. Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabs des Heeres, 1939–1942. — Bd. 1. — Stuttgart, 1962. S. 308.*

² *Klee K. Das Unternehmen «Seelowe». — Göttingen, 1958. S. 62.*

³ *Прозектор Д.М. Агрессия и катастрофа. — М., 1968. С. 141.*

одно: «Готовясь к войне с Советским Союзом, — пишет советский историк Ф.Д. Волков, — Гитлер дрался против союзнических войск лишь “одной рукой”, сберегая силы, особенно танковые корпуса, не только для завершения войны на Западе, разгрома и капитуляции Франции, но и для будущей войны против СССР»¹.

2 июня, прибыв в ставку командующего группой армий «А» генерала Рундштедта, Гитлер в доверительной беседе с Рундштедтом и начальником его штаба генералом Зоденштерном заявил, что Англия «вскоре будет готова заключить разумный мир» и тогда у него «освободятся руки для выполнения его великой задачи — покончить с большевизмом». Рундштедт понял: на очереди война с Советским Союзом². Сразу после капитуляции Франции, вспоминал Кейтель, «Гитлер надеялся на быстрое прекращение войны с Англией. Я знаю, что были предприняты соответствующие зондажи»³.

28 июня. На совещании Гитлера с Кейтелем и Йодлем господствовало мнение, что Россию победить будет даже легче, чем Францию, что восточная кампания не несет с собой большого риска. Гитлер заявил: «Теперь мы показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель, война против России была бы в противоположность войне с Францией похожа только на игру в кубики»⁴.

7 июля. Во время посещения рейхсканцелярии министром иностранных дел Италии Чиано Гиммлер заметил, что «война должна быть закончена к началу октября»⁵.

13 июля. В Бергхофе Гитлер проводит совещание с командованием сухопутных сил (Браухич, Гальдер, командующие группами армий), на котором окончательно утверждается стратегия фашистской Германии после разгрома Франции. Фюрер требует

¹ Волков Ф.Д. Тайное становится явным. — М., 1989. С. 54.

² Klee K. Op. cit. S. 189.

³ Görlitz W. Keitel. — S. 238.

⁴ Reinhardt K. Die Wende vor Moskau. — Stuttgart, 1972. S. 34.

⁵ Churchill W. Op. cit. P. 247.

от генералов не только развернуть форсированную подготовку вермахта к нападению на Советский Союз, но и провести эту операцию уже осенью 1940 г. Йодль сумел доказать, что для подготовки победоносного похода против СССР понадобится по крайней мере четыре месяца. Гитлер неохотно соглашается перенести операцию на весну 1941 г. И ему, и генералам было ясно, хотя об этом никто из присутствовавших не заикнулся, что начинать вторжение накануне зимы означает повторение похода Наполеона с его же исходом для агрессора. Гитлер утверждает представленную Браухичем программу расширения сухопутных сил, прежде всего танковых и механизированных соединений. Их число еще в 1940 г. предполагалось увеличить более чем в два раза — с четырнадцати до тридцати.

Таким образом, с этого дня — 13 июля 1940 г. — подготовка к нападению на СССР стала приобретать форму конкретных военных и политических планов. Адский будильник, заведенный Гитлером 13 июля 1940 г., зазвенел 22 июня 1941 г.

...Стратегические цели, общий замысел войны против СССР, предварительные сроки были уточнены затем на расширенном совещании руководящего состава вооруженных сил Германии 31 июля. Гитлер заявил на этом совещании: «...Россия должна быть ликвидирована. Срок — весна 1941 г.»¹.

На совещании Гитлер сформулировал задачи и в отношении Англии. Крушение Британской империи в данный момент Гитлер не без оснований считал нецелесообразным. «Если мы разгромим Англию в военном отношении, — заявил он, — то вся Британская империя распадется. Однако Германия ничего от этого не выиграет. Разгром Англии будет достигнут ценой немецкой крови, а пожинать плоды будут Япония, Америка и другие»². Замысел Гитлера, и это подтверждают материалы совещания, состоял в том, чтобы дипломатическими, а если это не удастся, то военно-политическими средствами нейтрализо-

¹ Haider F. Kriegstagebuch. Bd. II. — Stuttgart, 1963. S. 77

² Ibid. S. 21.

вать Англию на период восточного похода вермахта. Широкие военные действия против позиций Англии в Европе, на Ближнем Востоке, в Азии и Африке предполагалось развернуть лишь после победы над Советским Союзом.

Открытую дипломатическую атаку на Англию Гитлер начал 18 июля. В этот день в Берлине в честь победы над Францией состоялся военный парад. Двенадцати генералам вермахта был присвоен чин фельдмаршала, а Герингу — уникальный чин рейхсмаршала. После этой демонстрации силы Гитлер тут же протянул Англии «оливковую ветвь мира». Прямо с военного парада он поспешил в рейхстаг, где выступил, как обычно, с многочасовой речью. «В этот час я полагаю, — заявил нацистский фюрер, — что моя совесть велит мне еще раз воззвать к разуму и здравому смыслу Великобритании. Я считаю для себя возможным выступить с этим призывом, ибо являюсь не побежденным врагом, который просит пощады, а победителем». Гитлер прямо обращался к пронацистски настроенным кругам в Великобритании: не надо ждать, когда вследствие новых военных неудач Черчилль удерет в Канаду, надо вступать в мирные переговоры с Германией сейчас¹.

Сразу после этого «мирного» выступления Гитлера ведомство Риббентропа через дипломатические представительства Германии в Ватикане, Стокгольме и Вашингтоне направило правительству Черчилля секретные послания с предложением начать переговоры о мирном урегулировании. В Лондоне понимали, что Гитлер собирается вести их с позиции силы, и вечером 22 июля, выступая по лондонскому радио, министр иностранных дел Великобритании Антони Иден решительно отверг «мирный» зондаж нацистского фюрера.

1 августа 1940 г. по приказу Гитлера немецкие военно-воздушные силы начали против Англии операцию «Адлер» — массированные бомбардировки английских городов. Цель Гитлера была очевидна — принудить Англию к миру путем военного

¹ Schultess Europäischer Geschichtskalender, 1940. — München, 1942. S. 286.

нажима. Но правительство Черчилля не встало на путь капитуляции перед Гитлером. Решающую роль сыграли стойкость и мужество английских летчиков, солдат и моряков, всего населения. Впоследствии Черчилль признавал, что любое английское правительство, которое в этот момент вступило бы в переговоры с Гитлером, было бы сметено народом за 24 часа. И так, фронт против нацистской Германии на Западе летом 1940 г. продолжал существовать, и с этим должны были считаться и в Берлине, и в Москве. Таков был международный фон, на котором разворачивались советско-германские дипломатические отношения летом 1940 г.

Тактическая линия гитлеровской дипломатии в этот период характеризовалась стремлением подчеркивать дружественный характер отношений с Москвой, что объяснялось следующими расчетами Берлина. С одной стороны, готовя военное нападение на Советский Союз, Берлин стремился усыпить бдительность Кремля нормальным развитием дипломатических отношений. К тому же в Берлине считали: стоит ли поднимать шум из-за советских акций в Прибалтике и Бессарабии, если через несколько месяцев эти территории будут оккупированы немецкими войсками. Такая тактика способствовала созданию у Сталина и его окружения иллюзий, будто бы Германия по-прежнему привержена советско-германским договорам и секретным протоколам к ним, что если и есть в советско-германских отношениях спорные вопросы, то они могут быть решены за столом дипломатических переговоров¹.

С другой стороны, подчеркнутой демонстрацией дружественных германо-советских отношений гитлеровская дипло-

¹ О лицемерии гитлеровцев говорит хотя бы такой факт. Полпред СССР в Литве 13 июля докладывал в Москву: «Немецкая организация в Литве “Культурфербанд” ведет усиленную работу против выборов не только среди литовских граждан немецкой национальности (35–40 тысяч), но и вообще в населении. Например, распространяется угроза, что когда придут в Литву немцы, то всем, кто будет иметь на паспорте отметку об участии в выборах, не посчастливится» (АВП СССР. — Ф. 06. Оп. 2. Д. 21. — Д. 252. Л. 17).

матия стремилась оказать давление на Англию, показать Лондону, что за тыл на Востоке Германии нечего опасаться — лишний довод в пользу принятия английским правительством гитлеровских условий мира.

17 июня 1940 г. немецким дипломатическим миссиям за границей была разослана за подписью Вейцзекера циркулярная телеграмма, в которой говорилось: «Укрепление русских войск в Литве, Латвии и Эстонии и реорганизация правительств, проводимая с целью обеспечить более тесное сотрудничество этих стран с Советским Союзом, касаются только России и Прибалтийских государств. Поэтому ввиду наших неизменно дружеских отношений с Советским Союзом у нас нет никаких причин для волнения... Избегайте во время бесед каких-либо высказываний, которые могут быть использованы как пристрастные»¹.

Получив циркулярную ноту, Шуленбург через своих сотрудников поспешил довести ее содержание до сведения НКВД. «Дружественная» позиция Германии по вопросу о Прибалтике была высоко оценена Кремлем. Поздно вечером 18 июня Молотов пригласил Шуленбурга и поздравил его по поводу «блестящего успеха германских вооруженных сил».

22 июня Советское правительство сделало еще один демонстративно дружественный шаг в сторону фашистской Германии. В этот день было опубликовано сообщение ТАСС, автором которого, по мнению дипломатического корпуса в Москве, был сам Сталин. Это сообщение по праву можно поставить в один ряд с печально знаменитым заявлением ТАСС от 14 июня 1941 г. Опровергнув распространяемые на Западе слухи о концентрациях в Прибалтике советских дивизий с целью «произвести давление на Германию», в сообщении утверждалось, что «добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией в результате заключения Пакта о ненападении, нельзя поколебать какими-либо слухами и мелкотравчатой пропагандой, ибо эти отношения ос-

¹ ADAP. Ser. D. — Bd. IX. S. 492.

нованы не на преходящих мотивах конъюнктурного характера, а на коренных государственных интересах СССР и Германии»¹.

Гитлеровская дипломатия умело использовала в своих интересах обострение советско-румынских отношений из-за Бессарабии. Формально Берлин не возражал против воссоединения Бессарабии с Советским Союзом. 24 июня Риббентроп представил Гитлеру специальный меморандум по этому вопросу, где ссылался на секретный протокол от 23 августа 1939 г.² Но явно желая испортить отношения Румынии с Советским Союзом (а почву для этого давали и ультимативный тон заявления Советского правительства от 26 июня, и угрозы применить силу), гитлеровская дипломатия умело воспользовалась промахами Кремля, взяла дипломатическую инициативу в свои руки и выступила в роли «честного посредника» между СССР и Румынией.

Вечером 25 июня Шуленбург посетил Молотова и от имени Риббентропа заявил: «Германия остается верной московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу... Претензии Советского правительства в отношении Буковины — нечто новое. Буковина была частью австрийской короны... и... никогда не принадлежала даже царской России».

Когда Молотов 26 июня сообщил Шуленбургу, что Советский Союз, идя навстречу Берлину, ставит вопрос лишь о северной части Буковины, тот, следуя инструкциям Риббентропа, тут же поставил вопрос о возвращении Румынии золотого запаса румынского национального банка, переданного в Москву на хранение во время Первой мировой войны. Молотов заявил, что об этом не может быть и речи, поскольку Румыния достаточно долго эксплуатировала Бессарабию.

В итоге действия Кремля в немалой степени способствовали тому, что вместо мирного решения бессарабского вопроса, которое могло бы сблизить обе страны перед лицом угрозы гит-

¹ Правда, 1940, 23 июня.

² ADAP. — Ser. D. Bd. X. S. 9.

леровской агрессии, произошло обратное. В Румынии еще более пышным цветом расцвел антисоветизм. В румынских правящих кругах многие стали видеть в фашистской Германии союзника против СССР. 7 сентября Антонеску установил в стране при поддержке гитлеровцев фашистскую диктатуру, а затем обратился к Берлину с просьбой о военной помощи и введении в Румынию частей вермахта.

Таким образом, можно констатировать, что «румынская акция» сталинской дипломатии летом 1940 г. закончилась фиаско. Самонадеянность и неуклюжесть действий Кремля привели к тому, что Румыния стала военным союзником Гитлера, а фронт потенциальной агрессии расширился для Советского Союза от Карпат до Черного моря.

О просчетах сталинской дипломатии в результате субъективистских и не соответствовавших реальному положению оценок и решений свидетельствует и еще один эпизод, ставший летом 1940 г. объектом дипломатической переписки между Москвой и Берлином. В связи с вхождением Литвы в состав Советского Союза на повестку дня советско-германских отношений весьма неожиданно встал вопрос о судьбе литовской территории, которая по секретному протоколу от 23 сентября 1939 г. вошла в сферу государственных интересов Германии. В соответствии с протоколом, в этой части территории Литвы советские войска размещены не были. Воздерживалась вводить туда свои войска и Германия.

Однако в начале июля германское правительство напомнило Москве о своем праве установить время, когда Германия сможет занять эту область. «Заявление Шуленбурга, — пишет советский исследователь С. Горлов, — давало основание считать, что Германия намерена приступить к вводу своих войск в эту часть Литвы»¹.

13 июля 1940 г. Молотов заявил Шуленбургу, что Советское правительство еще раз внимательно рассмотрело вопрос о по-

¹ Военно-исторический журнал, 1990, № 7. С. 27.

лосе литовской территории и пришло к выводу, что германские притязания на эту полосу и советское обязательство уступить ее являются бесспорными. В теперешней ситуации, однако, Советскому правительству передавать эту территорию было бы крайне неудобно и тяжело. Поэтому Москва настоятельно просит германское правительство, учитывая чрезвычайно дружеские отношения между Германией и СССР, оставить эту часть территории за Литвой¹. Поскольку в Берлине вопрос о предстоящей агрессии против СССР к этому времени был уже решен, то эту полосу литовской территории Гитлер решил сделать предметом торга — получить за отказ от нее максимум финансово-экономических уступок. Не случайно, что уже 13 июля, докладывая в Берлин о просьбе Советского правительства, Шуленбург писал, что «этой советской просьбой можно воспользоваться для реализации наших экономических и финансовых требований»².

2 августа Риббентроп довел до сведения Кремля, что Берлин принимает к сведению просьбу Москвы, но, учитывая, что «это представляет существенное изменение московского договора в невыгодную для Германии сторону, хотел бы узнать, что Советское правительство предложит взамен».

12 августа Молотов вручил Шуленбургу меморандум Советского правительства. Оно было готово в течение двух лет уплатить за отказ Германии от части литовской территории 3,86 миллиона долларов. Оплата должна была производиться по выбору Германии — либо золотом, либо товарами. Сообщая в Берлин об этом решении Советского правительства, Шуленбург с нескрываемым удовлетворением отмечал, что предложенная Москвой сумма составляет половину той, которую США уплатили России за продажу Аляски. Тем не менее 11 октября Берлин заявил, что предложенная сумма компенсации для него неприемлема³.

¹ АВП СССР. — Ф. Оп. 2. П. 2. Д. 14. Л. 126.

² ADAP. — Ser. D. Bd. X. S. 166.

³ Ibid. S. 48.

Готовясь к агрессии против СССР, Берлин начал длительный торг с Москвой из-за соглашения о полосе литовской территории, которое должно было потерять значение в первый же день войны и Берлину удалось преуспеть в этом¹. Стремясь получить от СССР в последние предвоенные недели как можно больше золота и сырья, он добился подписания 10 января 1941 г. секретного советско-германского протокола, по которому СССР должен был выплатить Германии семь с половиной миллионов долларов. Причем часть этой суммы (¹/₈) СССР должен был выплатить поставками цветных металлов в течение трех месяцев с момента подписания протокола. (Напомним: до назначенного Гитлером срока нападения на СССР — 15 мая 1941 г. — оставалось всего четыре месяца!) Остальная часть суммы просто списывалась с германского долга в золоте, платежи по которому Германия по имевшимся соглашениям должна была произвести к 11 февраля 1941 г.

Эту линию Берлин проводил и дальше. С одной стороны, всячески тормозились предусмотренные соглашениями поставки немецких товаров в СССР. С другой стороны, предъявлялись требования выплаты Германии значительных сумм. Так, прибывший в ноябре 1940 г. в Москву К. Шнурре потребовал от Советского правительства в кратчайший срок уплатить Германии триста пятнадцать миллионов марок в качестве ком-

¹ Советское руководство не только на словах поддерживало нацистскую Германию. Оно активно подпитывало экономику агрессора нефтью, зерном и важнейшими стратегическими материалами. В соответствии с меморандумом от 11 февраля 1940 г. следующие виды сырья поставлялись Германии:

900 000 тонн нефти — примерно на 115 миллионов марок;

1 миллион тонн кормовых злаков и стручковых плодов на сумму в 120 миллионов марок;

100 тысяч тонн хлопка — примерно на 90 миллионов марок; 500 тысяч тонн фосфатов;

100 тысяч тонн железной руды;

300 тысяч тонн железного лома и чугуна;

2400 килограммов платины, также марганцевая руда, цветные металлы, древесина и многое другое.

пенсации немцам, переселившимся в 1939–1940 гг. из Прибалтики в рейх.

Таковы основные аспекты советско-германских отношений летом 1940 г. — в период, когда нацистский вермахт осуществлял поворот на Восток.

На 70-ю годовщину начала Второй мировой войны в Гданьск прибыли делегации тридцати государств, среди них и российский премьер. Владимир Путин, вопреки призывам польских политиков, не стал извиняться за пакт Молотова — Риббентропа. Зато он обещал полякам доступ к катынским архивам. На взаимной основе. В разговоре с польским коллегой Туском Путин, в частности, заметил, что пакту Молотова — Риббентропа предшествовал ряд договоров западных держав с немцами, под одним из которых подписались и поляки. Кроме того, они оккупировали две области Чехословакии, был неумолим премьер. Но тут же поспешил оговориться: «Я сейчас не даю никаких оценок, не для этого сюда приехал. Но ошибок было с обеих сторон огромное количество. Агрессию спровоцировали сообща». И добил метафорой: «А если кто ставит цель выискивать из старых заплесневелых булок изюминки, а всю плесень оставлять другим, из этого ничего хорошего не получится. Доверия не получится!» Туск не смолчал: «Расстрелянные польские бойцы — это факт. Никто его не вычеркнет». Впрочем, до словесной перепалки не дошло. Путин примирительно заметил, что поляки смогут получить то, чего столько лет добивались. То есть доступ к катынским архивам. Но и российским специалистам нужно разрешить работать в польских документах, поставил условие ВВП. Туск забыл об обидах: «Я принимаю предложение о принципе взаимности. Это мудрая стратегия изучения правды. Великие и гордые государства должны открыть правду и ответить своей совестью». Пришли к пониманию премьеры.

Еще не светало, когда в 4.45 утра 1 сентября в Польше начались юбилейные церемонии у памятника героям Вестерплатте. Именно в это время в 1939 г. немецкий корабль «Шлезвиг-Гольштейн» огнем по польскому Военно-транзитному складу начал Вторую мировую. Семьдесят лет назад здесь польский гарнизон более недели сдерживал натиск превосходящих сил немцев.

Там, на Вестерплатте, воевал, если верить культовому фильму советского детства «Четыре танкиста и собака», отец главного героя, Яна Коса, — поручник Станислав Кос. В сегодняшней Польше, впрочем, ни этот фильм, ни книга Януша Пшимановского, по которой он был снят, не в чести. Из-за того, что чересчур просоветские.

На мероприятия в Гданьск собрались высокие представители трех десятков стран. Американцы свою делегацию тоже прислали — но ни Обама, ни вице-президент Байден, ни, на худой конец, Хиллари Клинтон в Польшу не поехали. Возглавил делегацию помощник президента США по национальной безопасности генерал в отставке Джеймс Джоунс — фигура, скажем, далеко не первой величины. Споуксмену госдепартамента пришлось оправдываться: мол, уровень делегации не свидетельствует об охлаждении отношений США с Польшей.

Участие в памятных мероприятиях канцлера Германии и российского премьера было запланировано на вторую половину дня. До этого Путин встретился в Сопоте со своим польским коллегой Туском, где озвучил мысль, что дело политиков — двигать госотношения вперед, а историей событий, предшествовавших началу войны, пусть занимаются специалисты.

В тот самый момент, когда премьер России вел переговоры в Гданьске, в Москве прошла презентация сборника документов службы внешней разведки, где содержались рассекреченные донесения резидентов семидесятилетней давности, касающиеся Польши.

— Эти документы лежали на столе у Сталина, Молотова и Ворошилова, и они объясняют подход советских руководителей

к польскому вопросу, — считает составитель сборника, генерал-майор СВР Лев Соцков.

От разведчиков Сталину еще в 1934 г. было известно, что в мирном договоре между Германией и Польшей содержалась секретная часть, согласно которой в случае войны Германии с Советским Союзом Польша обязалась занимать сторону Гитлера. Более того, при польском Генштабе было создано секретное подразделение для подготовки терактов на территории СССР и разжигания национальной розни в Поволжье, на Кавказе, Украине и в Белоруссии. Для этих целей выделялось полтора миллиона злотых.

Согласно донесениям, до 1939 г. отношения Польши и Германии складывались лучше некуда. К примеру, Геринг еще в 1935 г. во время визита в Варшаву делился с польскими руководителями планом раздела Чехословакии и поглощения Австрии. В это время СССР предпринял попытку создать антигитлеровскую коалицию. Был подписан советско-французский договор о взаимопомощи в случае германской агрессии. Германия на это не отреагировала никак, а вот Польше до всего было дело. Польский МИД заплатил лидеру французских фашистов 750 тысяч франков за организацию в стране акций протеста против советско-французского договора.

А совсем незадолго до гитлеровского вторжения в Польшу посол этой страны в Вашингтоне убеждал американского госсекретаря, что гитлеровская Германия — демократическая страна и опасаться нужно не ее, а СССР.

Польские журналисты знакомились с этими документами без удовольствия. И первый вопрос к составителю сборника прозвучал так: «Вы пытаетесь поссорить Россию и Польшу и подставить Путина, который сейчас в Гданьске?»¹

Обсуждать историю на профессиональном уровне, без визга и взаимных обвинений давно пора. Понятно, что вряд ли поль-

¹ *Зубов М.* Польские журналисты считают, что Путина подставили. — Московский комсомолец, 2009. 2 сентября.

ские и российские историки смогут прийти к единому мнению о событиях 1939–1945 гг. Но только в дискуссиях специалистов, а не в словесных дуэлях политиков и публицистов есть какой-то смысл. Как вариант — возможно издание книг, где те или иные «узкие места» российско-польской истории будут параллельно освещаться историками двух стран. У всех своя правда. И мифы тоже свои. Впрочем, президенту Польши уже все сейчас без всяких комиссий ясно, кто виноват и что делать. Лех Качиньский, естественно, не удержался, чтобы на церемонии не кинуть увесистый булыжник в адрес Москвы, призвав воздать славу «всем тем, кто сражался во Второй мировой войне против германского нацизма и большевистского тоталитаризма». Может, Качиньский имел что-то другое, но вывод напрашивается один: тем, кто был союзником Сталина в войне — полякам из Армии Людовой, югославским партизанам Тито, Великобритании, Соединенным Штатам, участникам Сопротивления в Европе, многим прочим, не говоря уж о советском народе, — никакой славы и не положено. А то ведь не сопротивлялись они красному тоталитаризму, а некоторые — о, ужас! — и вовсе сами были большевиками... Кому же тогда слава? Остается не так много тех, кто воевал и против наци, и против коммунистов, — Армия Крайова, Украинская повстанческая армия (правда, украинские националисты устраивали этнические чистки, вырезая поляков целыми селами), сербские четники... Кто еще? А, власовцы из РОА — они ведь и против Красной Армии сражались, и Прагу от немцев освобождали.

И конечно, Качиньский не обошелся без того, чтобы без всяких экивоков поставить знак равенства между холокостом и расстрелами в Катыни: «Есть нечто связывающее эти преступления, хотя их масштаб был разным. Евреи погибали, потому что они были евреями. Польские офицеры погибли потому, что были польскими офицерами». Тут Качиньский либо лукавит, либо не совсем понимает, что эти явления при внешнем сходстве были не совсем одного порядка. И почему тогда не

продолжить: «Советские солдаты погибли потому, что были советскими солдатами»? И далее по списку...

Понятно, что полякам есть за что не любить Россию вообще и Сталина в частности. Но приличия соблюдать надо. Европейцы как-никак! Какой уж тогда с нас спрос?

А для того, чтобы в польском Гданьске, а не в немецком Данциге смог выступать пан президент Качиньский, погибли те, кого он считает носителями большевистского тоталитаризма. И разве их вина, что, принеся освобождение, они не дали полякам свободы — когда у них самих свободы не было?

Согласно президенту Качиньскому, воинской славы не достойны ни русские, ни англичане, ни американцы...

СОДЕРЖАНИЕ

В преддверии Второй мировой войны	5
Иосиф Сталин изучает книгу Адольфа Гитлера «Майн Кампф»	25
Как советское руководство готовило Красную Армию к отпору фашистской агрессии	42
Какую оценку дает началу и первым суровым годам Великой Отечественной войны эрудированный военный специалист, полковник Марк Штейнберг	83
От Сталинграда до Берлина	110
Воистину: за всё на евреев найдется судья... ..	147
Воздействие эренбургского слова на умы и сердца советских воинов	175
Малоизвестные страницы истории заградотрядов	205
Управление по телефону	220
Нацистская система концентрационных лагерей	225
Было ли просто в условиях Германии еврейю стать предпринимателем	232
Еще раз об участии евреев в составе армии вермахта	240
Сопrotивление обреченных	290
Еврей в партизанах — героизм, отвага, мужество	363
Катастрофа европейского еврейства	445

Расчет геббелевской пропаганды поставить немцев перед альтернативой — «победа или смерть» — сработал	464
Бомбовая война против Германии	475
Где хранится награбленное фашистами золото	485
Во что обошелся поспешный штурм Берлина, которым командовал маршал Г.К. Жуков, Советской армии	501
Оружие победы	524
Процесс века	547
Евреи на фронтах Второй мировой войны	560
Итоги Второй мировой войны	601
Война ничего не списала	610
Планы и реальность советского руководства в решении германского вопроса	617

Публицистика

РАБИНОВИЧ ЯКОВ ИОСИФОВИЧ

ЕВРЕИ

В ГОДЫ ВЕЛИКИХ ИСПЫТАНИЙ

Книга издана в авторской редакции

Дизайн: А. П. Зарубин
Корректор О. В. Круподер

Подписано в печать с готовых диапозитивов 16.02.2017 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура «Warnock Pro».
Печ. л. 39,25.

ООО «Издательство «Этерна»
115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а
Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru
www.eterna-izdat.ru